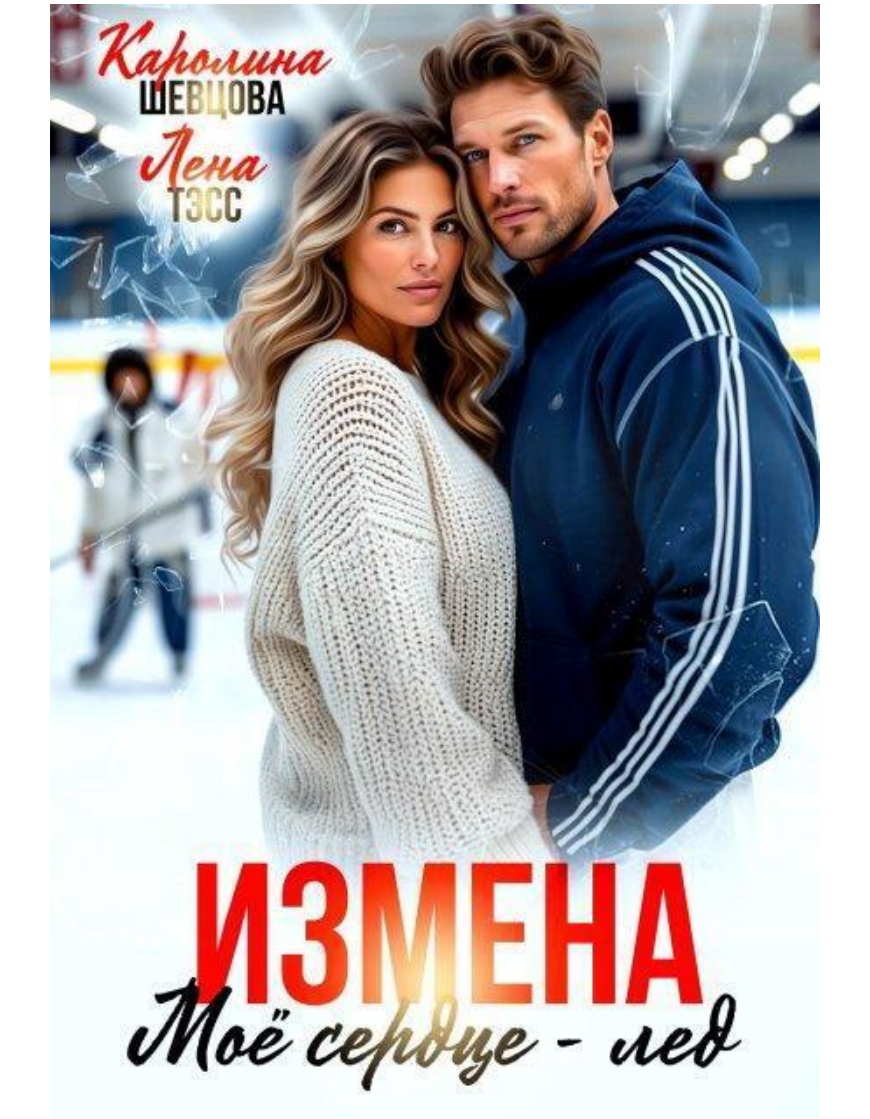




Каролина
ШЕВЦОВА

Лена
ТЭСС

ИЗМЕНА

Моё сердце - лед

Каролина Шевцова
Лена Тэсс
Измена. Мое сердце - лёд

<https://litres.ru/74267928>

Аннотация

- Танюш, мне просто нужен наследник. Настоящий сын, понимаешь? Врачи ведь сказали, что тебе уже поздно рожать. — Оправдывался Глеб, когда я застала его с другой.

Привет. Я та самая разведенка с прицепом, и муж так и не смог мне простить «чужого» ребенка. После третьего выкидыша и неутешительного диагноза, он нашел, как получить долгожданного наследника. Не со мной. Я же дала развод, ушла из жизни предателя, собрала себя по осколкам и начала все заново. Одна, со взрослым, никому не нужным сыном на руках. Вот только выяснилось, что бывший не готов меня отпускать, мечтает снова восстановить отношения с нашим ребенком, а женщина моих лет не старая забытая калоша, а еще э-ге-гей какая штука.

Вот только поздно милый спохватился, твое место занято!

Содержание

Пролог	4
Визуал 1. Героини	8
Глава 1	10
Визуал 2. Глеб	18
Глава 2	19
Глава 3	31
Визуал 3. Миша	45
Глава 4	46
Глава 5	56
Глава 6	72
Глава 7	80
Глава 8	91
Визуал. Ренат	100
Глава 9	101
Глава 10	113
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Пролог

- Тань, я все понимаю, тебя давно здесь не было и многое изменилось за лето, так что просто наслаждайся праздником и ничего не трогай.

Катя улыбнулась и перекинула прядь своих темных волос за плечо, расставляя регалии “Звезды” по местам.

Кубки наверх, медали ниже.

Но раньше все было иначе и никто не смел менять их местами. Никто!

- Понятно.

Я коротко кивнула, пристально разглядывая Леденцову. Ей чуть за тридцать, а выглядит она словно едва перешагнула зазорные двадцать пять. Красивая. И умная. Не удивительно, что именно ей муж доверил поручить организационными вопросами в мое отсутствие.

- Ну, я пойду, проверю как там дела у наших парней, - она крутанулась на высоченных шпильках, но ни один волосок не выбился из ее идеальной прически. Вот же ведьма!

В отличие от меня, которая большую часть лета провела на больничной койке, восстанавливая изрядно потрепанное здоровье после замершей беременности. И с каждым разом мне дается это все труднее и труднее.

В свои тридцать шесть я выглядела... хорошо если на тридцать шесть. И волосы не струились как в рекламе мод-

ного шампуня, и шпильки я могла носить разве что во сне.

Поискав глазами Глеба я нашла его в окружении парней из команды и их родителей. Всем хотелось обсудить предстоящий сезон с главным тренером. К этой дружной компании присоединилась и Катя Леденцова.

Весьма ловко и непринужденно она оказалась рядом с мужем и что-то шепнула ему на ушко, а он в ответ строго кивнул.

- Папа сегодня нарасхват, - Миша подошел ко мне и протянул стакан сока.

- Такова участь главного тренера.

- Ты как? Устала? - сын был начеку, и хотя большую часть лета провел не с нами, а в тренировочном лагере, знал о том, что случилось и сильно переживал.

- Я в порядке.

Улыбнулась и потрепала его по лохматой шевелюре.

- Миш, зарос! Может уберем кудри, а то нехорошо получится, если они будут торчать из под шлема.

- Да какая разница! Папа меня все равно на скамейке оставит, - пробурчал сын, перехватил мою руку и чмокнул в щеку.

Глеб, как требовательный и непредвзятый тренер был максимально требователен и непредвзят ко всем игрокам "Звезды", и в первую очередь к своему сыну. В эти отношения я не лезла, но порой мне казалось, что муж несправедлив к Мише.

Тему я развивать не стала, меня отвлекла шумная компания мам, с которыми я не виделась так же все лето. Они как стрекозы налетели на угощения и рассказывали последние сплетни. Кто где был, кто с кем спал, кто кого видел в неприглядном свете.

- А у Кати нашей, говорят появился ухажер, - заговорчески сообщает Марина Иванова, мама Стаса, который кажется стоит на позиции защитника во втором звене.

- А чего там говорить-то! - подхватывает рыжая Юля. - Она как кошка, упавшая в сметану, все время улыбается, цветет и пахнет. И ведь не признается какого олигарха подцепила. Видели ее новые часики?

Они продолжали что-то оживленно обсуждать, но таких разговоров я старалась избегать. Не любила сплетни и старалась не слушать их больше вежливых трех минут. На столе заканчивались стаканчики и я решила, что это весьма удобный повод улизнуть в подсобку, где всегда хранился приличный запас. Если, конечно, Катя и там не навела свои порядки.

Хорошая у нас традиция собираться на стадионе перед сезоном, когда до начала турнира еще около недели и мальчикам нужно не только потолкаться на льду и в зале, но и просто повеселиться.

Ухожу от шума в подтрибунное помещение. Здесь я все знаю как свои пять пальцев, дорогу до подсобки могла бы найти и с закрытыми глазами.

Продвигаюсь ближе, слышу весьма характерные звуки.

Вот же! Неужели у кого-то из молодежи настолько шалят гормоны, что они решили спустить напряжение прямо здесь?

- Чееерт, Глеб! - стонет Катя. - Вот здесь! Да! Так хорошо!

Не молодежь. Не случайные люди.

Уверенно подхожу к незапертой двери, открываю резко на себя и смотрю как мой муж накручивает на кулак волосы Леденцовой, пока имеет ее сзади. Быстро и грязно. Ее юбка задрана, его штаны едва спущены.

Зато ее прическа испорчена. Это да.

Безнадежно испорчена, как и вся моя жизнь.

Визуал 1. Героини

Дорогие мои, пока у нас еще не полночь давайте я вам представлю наших девочек.

Итак, *Таня Громова*.

Ей тридцать шесть лет и на свои тридцать шесть она выглядит прекрасно, хотя так не считает. Пережила немало трудностей и этот опыт, конечно, сказался на ее здоровье.

Есть муж (второй) и сын (единственный). Очень их любит и готова на все ради мира в своей семье и счастья своих мужчин. Душа своей семьи и команды “Звезда”

И Катя Леденцова.

Ей тридцать два, но выглядит моложе - многие утверждают, что на двадцать пять. И ей это дается легко, даже играючи.

Её сыну шестнадцать, а ее мужу... нет, она не замужем.

В свободное от работы время занимается собой, помогает девочкам из группы поддержки и активничает в отсутствие Тани.

Дорогие мои, кто из героинь вам импонирует больше?

И что в конце концов важнее - красивая обертка или глубокое содержание?

Глава 1

За несколько дней до событий пролога.

В третий раз потерять ребенка было не так больно, как первые два.

Хотя впервые это случилось на таком позднем сроке, когда я уже почти поверила, что справлюсь и подарю Глебу сына, о котором он так мечтает.

В тот день я шла на второе УЗИ. Анализы накануне были хорошие, малыш активно пинал меня изнутри и я верила, что в этот раз у нас все получится, все будет хорошо. Но не было.

Долгое молчание врача, внимательные взгляд поверх очков. Тревожный. Сочувствующий. Обреченный. Я столько их видела за последние несколько лет, что считывала без ошибок.

- Дня три полежите в стационаре, Татьяна. Мы понаблюдаем, - сказала Людмила Ивановна, мой врач и чудо женщина, которая помогла стать мамам бесчисленному количеству женщин в нашем городе.

А со мной никак не получалось.

- Что именно понаблюдаете?

- Однозначные выводы сейчас делать рано, да и пугать вас не буду. Просто попросите Глеба перевезти ваши вещи.

А дальше палата, капельница, сон, боль, констатация

невозможности спасти плод. Холодные... очень холодные руки Людмилы Ивановны на моей горячей голове и слова: “Потерпи милая. Потерпи немного”.

И я терпела боль, пустоту и одиночество. Потому что в такие моменты кто бы ни находился рядом - ты всегда будешь одна.

И чувство это липкое впиталось не только в кожу, но и сознание, поэтому даже сейчас в своей кровати и своей квартире я не чувствую себя в безопасности. Плохо кушаю, плохо засыпаю, и сам сон всегда поверхностный, беспокойный.

Вот и сейчас вздрагиваю и просыпаюсь. Тянусь рукой к соседней подушке, а там никого.

От неожиданности резко открываю глаза и в глаза бросаются неоновые зеленые цифры с часов “00:12”. Глеба нет.

Выхожу из нашей спальни и иду в сторону кухни, где горит тусклый свет. Но и там мужа нет, только свекровь, которая переехала к нам, чтобы поддержать меня после выписки из больницы.

- Танюш, ты что проснулась, милая?

- А вы, Ирина Сергеевна? И где Глеб?

Чашка, которую она держала в руках неловко приземлилась на стол.

- Да кто ж его знает. Я тут себе чай от бессонницы заваривала, слышала как он с кем-то по телефону препирался, что-то все про хоккей свой и сборы. Сама знаешь, сезон вот-вот, все его достают.

Ирина Сергеевна была хорошей женщиной и мы с ней быстро нашли общий язык. Если Глеба она любила, то меня и Мишу просто обожала, поэтому ни дрожь в руках, ни несвойственный ей немного истеричный тон не смутили меня.

Вероятно так и было. Некоторые родители настолько переживали за будущие спортивные карьеры своих детей, что не стеснялись названивать мужу в любое время дня и ночи.

- В следующий раз я сама отключу его телефон на ночь, - пошутила я, забрала из рук свекрови чашку и намыла.

Не оставлять же до утра.

А когда вернулась в спальню, то обнаружила, что телефон мужа как всегда лежит на его прикроватной тумбочке и как всегда заряжается. Было странно, что он не взял его с собой, но и этому факту я не придавала особого значения. Видимо сильно торопился.

Я легла в постель, еще несколько минут безучастно смотрела в потолок, перебирая в памяти все, что произошло со мной летом, и с предвкушением ожидая первой встречи всей команды в начале сезона. Я успела соскучиться по этой организационной рутине, поддержке и взаимовыручке. С этими мыслями снова уснула, а когда утром прозвенел будильник Глеб как всегда поднялся на одном локте и поцеловал мое плечо.

- Доброе утро, любимая, - шепнул он, нежно проводя костяшками пальцев по шее и ниже по спине.

- Доброе, - я развернулась, чтобы поцеловать его, но неожиданно вспомнила... - Было бы еще добрее, если бы мой муж не срывался по ночам успокаивать слишком нервных родителей. Все это можно перенести на рабочие часы, милый.

Он отстранился. Его серые глаза пристально смотрели на меня.

- О чем ты?

- О том, что проснулась чуть за полночь, а тебя нет в постели.

Он смотрит на меня так, словно я рассказала ему о существовании единорогов. А потом взгляд становится осмысленным и снисходительным, словно я ребенок и еще слишком многого не понимаю в этой жизни.

- Тань, тебе наверно просто приснилось. Ты слишком загрузила себя этим праздником, слишком рьяно взялась за его организацию. Может быть передашь часть работы кому-то другому? Мама Жени Леденцова готова помочь, она хорошо наладила контакт с другими родителями и неплохо справляется.

- Но я лучше! - спору с ним.

- Несомненно, сладкая. Я просто беспокоюсь за тебя, - Глеб наклонился и поцеловал меня в щеку, а потом поднялся с постели и отправился готовить завтрак.

А я осталась заправлять кровать.

Может и правда мне все приснилось.

Глеб уехал на работу через час, а я прибралась на кухне, немного посидела в интернете в поисках нового поставщика буклетов для команды, а потом сама стала собираться в город.

У меня было две остановки.

Первая - это торговый центр. Нужно было купить что-то на праздник. Все мои вещи стали велики, после того как я сбросила почти десять килограммов в больнице - они висели на мне и никакие хитрые приемчики не помогали сделать вид привлекательнее.

Вторая - женская консультация. На сегодня был назначен плановый осмотр после выписки у Людмилы Ивановны.

Магазины и отделы меня утомили так быстро, что вместо поисков модного и нарядного платья, на которые могли уйти часы я решила остановить выбор на объемном кремовом свитере и симпатичных джинсах с высокой посадкой. Да, консервативно, но всегда актуально.

Перед приемом забегаю в кондитерскую, чтобы угостить своего врача свежими эклерами.

- Зачем ты, Таня! - охает она, а потом благодарит и тепло улыбается.

- Это вам к чаю. Все-таки благодаря вам я наконец-то на ногах и могу заняться чем-то кроме критики больничной еды и отсутствия бесплатного вай-фая.

Людмила Ивановна улыбается моей шутке, но быстро бе-

рет себя в руки и смотрит в мою карту. Делает пометки, что-то отмечает в компьютере.

Время тянется катастрофически медленно. Я знаю, что на собирается сказать мне что-то не очень приятное. Что в ближайшие полгода-год мне не стоит предпринимать попыток к беременности, что нужно пройти курс гормонов и восстановить организм после такого удара. Она скажет о том, что лучше задуматься об ЭКО или рассмотреть “другие” варианты.

Но все это не про меня и не про Глеба. Муж бредил, мечтал, хотел больше всего на свете сына. Еще одного сына.

Он любил нашего Мишку, но воспитать еще одного мальчишку стало для него первостепенной задачей. И для меня тоже.

Несмотря на то, что с каждым разом дыра в моей груди от потери становилась все больше, а организм истощался сильнее - я не могла отступить от этой цели.

- Людмила Ивановна, просто скажите что я должна делать. Вы же знаете, что я ваш самый послушный пациент и сделаю все, чтобы родить ребенка. Если нужно в следующий раз лягу на сохранение и не выйду из палаты все девять месяцев.

- Не нужно, Танюш, - строго и грустно. Без обычной нотки бодрости.

- Когда можно пытаться?

- Никогда.

То есть?

- Не понимаю.

Она протягивает руку и сжимает мою ладонь

- Понимаешь, Танюш. Ты все понимаешь. Но как твой врач я должна тебе сказать это. Моя рекомендация - не предпринимать новых попыток забеременеть. И пока ты набираешь в легкие воздух, чтобы задать вопрос “Как долго?”, я тебе сразу отвечу - никогда не предпринимать. Твой организм измотан, пойми это. Тебе тридцать шесть. Это не шутка. Было серьезное кровотечение, тяжелое восстановление.

Я слышу, что она говорит. Даже понимаю ее доводы, но смириться с поражением - нет! Не сегодня. Не сейчас, когда я наконец-то готова вернуться к обычной жизни.

- Я... мне нужно бежать, Людмила Ивановна. Я совсем забыла, что у меня еще много дел. Спасибо вам за прием. Я запишусь как всегда через месяц. Уверена, что тогда вы измените свое мнение и мы обсудим план подготовки к беременности. Правда? - киваю за нее головой, нервно улыбаюсь, пячусь спиной к двери и сбегая, как последняя трусиха не дожидаясь новых доводов своего врача.

Не сегодня. Не сейчас.

Двигаюсь по коридору в сторону выхода на автомате, пока взгляд не останавливается на знакомом силуэте и я без труда узнаю Ирину Сергееву, которую никак не ожидала здесь увидеть.

Но больше этого меня удивляет то, с кем она сидела рядом - с Леденцовой Катей, мамой одноклассника Миши. Кроме того, что наши сыновья вместе учились, они оба играли за

“Звезду”.

- Таня? - первой меня заметила именно она, эффектная блондинка с идеальной внешностью.

На ее фоне я казалась серой мышкой.

- Привет, - здороваюсь, переводя взгляд со свекрови на нее и обратно. - Ирина Сергеевна, а вы здесь...

- Планово, Танюш, - отвечает она. Странно, что не сказала раньше, могли бы приехать раньше. - А в очереди Катя. Рассказывает мне про будущий праздник и его подготовку.

Я вежливо улыбнулась и пристально смотрела на Леденцову. Странно, что за последние несколько дней она мне не позвонила, чтобы обсудить некоторые детали предстоящей встречи, а с мамой Глеба общается так, словно они лучшие подруги.

- Тань, я давно хотела и с тобой поговорить, - отзывается Катя, словно читая мои мысли. - Только у меня номера твоего нет, а у Глеба спросить забываю.

- Тогда запиши.

Она достает телефон и послушно набирает на экране цифры, которые я диктую.

Потом мы прощаемся и я тороплюсь домой, чтобы приготовить ужин, но странное и неприятное чувство от этой встречи не покидает меня еще очень долгое время.

Визуал 2. Глеб

Глеб Громов

Главный тренер хоккейного клуба “Звезда”. Суров, строг, амбициозен, справедлив (но это не точно).

В прошлом подающий надежды игрок, но в связи с тяжелой травмой был вынужден завершить карьеру, так и не достигнув главной цели - стать значимой фигурой в мире хоккея.

Не признает никаких авторитетов, не заводит любимчиков, зато завел любовницу.

Глава 2

Мысли о том, что Людмила Ивановна и Катя Леденцова мило общались в женской консультации никак не выходили из головы еще несколько дней до самого праздника.

С одной стороны в этом не было ничего странного, с другой, меня не покидало тревожное и навязчивое чувство. И более того, я словно испытала то самое пресловутое дежавю. Потому что однажды уже переживала его.

Только когда... и при каких обстоятельствах?

Я пыталась поймать это неуловимое ощущение тревоги, чтобы разобраться в причинах и выкинуть его наконец-то из головы, пока не вспомнила.

Триггером стал сын.

- Мам, тебе помочь? Я все упаковал, скоро выезжаем? - Миша заглянул на кухню, когда я заканчивала освобождать посудомойку, широко улыбнулся и двинулся на меня всем своим внушительным телосложением, чтобы обнять.

Ему шестнадцать и он уже выше меня на полголовы. Постоянные тренировки не сделали его Халком, но выносливости и силы ему не занимать.

К сожалению Глеб не дает ему реального шанса проявить себя на льду, и в “боевые” связки на игры ставит только в случае острой необходимости.

Знаю, что Мишаня из-за этого сильно расстраивается, но

больше всего его бесит, когда отец сравнивает его с Женей Леденцовым.

Точно! Вот оно!

Тревога, которая одолевала меня все эти дни связана с ним, с Катей и тем днем, когда я еще была счастливой беременной женщиной, а мальчишки уезжали в летний тренировочный лагерь. Собралась вся команда, родители, директор нашего спортивного комплекса, медперсонал. Мы провожали их у автобуса, прощались и давали наставления.

- Черт, - Миша похлопал по карманам своей ветровки, - забыл наушники! Дома забыл! - посмотрел на часы - Пап, может еще успеем метнуться? Почти час до отправления.

- Нет. Здесь есть точка, где продают гаджеты. Вот, купи себе пока подменные, - Глеб достает свою карту и пихает Мише в руку.

- Но я хочу свои! - настаивает Миша.

- Не гунди, как малое дитя. Тебе исполнилось шестнадцать, пора вести себя соответствующе. Посмотри на Женю! Подружись с ним и бери пример! - наставлял Глеб. Слишком уж яростно и бескомпромиссно предлагая в друзья нашему сыну Леденцова.

Как штатный психолог команды я знала, что они не сойдутся. Глеб тоже это понимал, но считал, что таким образом взрастит в Мише здоровую тягу к борьбе и жестокой конкуренции. Мы спорили и ругались из-за этого. Я была уверена, что и без этого наш сын мог проявить себя во время игры,

ему просто не хватает шанса и времени, но муж был главным тренером и мое мнение в этом вопросе не ставил в приоритет.

- Привет, Глеб! Чуть не опоздали, да? - как раз в этот момент перед нами нарисовались Катя Леденцова и ее сын Женя. Она задорно поздоровалась с моим мужем и даже провела ладонью по его спине, словно... словно не в первый раз. Глеб дернулся вперед и влево, точно ошпаренный, зато тогда она заметила меня. - О, Танюш, привет. Как ты? Как самочувствие?

О моем положении в команде уже узнали, животик под легкой летней одеждой было не скрыть.

То, что Катя так неформально обращалась с моим мужем мне не понравилось, но устраивать разборки прямо здесь и сейчас смысла не было.

Команда и весь персонал вовремя погрузились в автобус и отбыли в сторону области, обещая звонить, писать и вообще не забывать родителей. Мы так и стояли втроем.

Неловко все это.

- Что ж, я вызову такси. Моя машина сегодня отказалась заводиться, мы поэтому немного припозднились, - щебетала Леденцова перекидывая свои на другое плечо, пока доставала из сумки смартфон.

Она выглядела слишком роскошно для женщины, которая одна, без мужа, без помощи родителей и кого-то еще подняла сына. Словно Женя был ее младший брат. Словно ей это

вообще не стоило никаких усилий. Идеальная фигура, кожа, волосы. Её укладка всегда была безупречной, в то время как мои пышные кудри требовали постоянной борьбы, в которой я позорно проигрывала.

Неожиданно для самой себя я сказала:

- Мы тебя подвезем. Можем ведь, Глеб?

Муж молча кивнул и мы втроем пошли на парковку.

Уже подойдя к машине Катя оказалась чуть впереди меня и открыла дверь пассажирского сиденья. Того, что рядом с водительским. От неожиданности мы все замерли.

- Я просто открыла ее для тебя, Тань. Хотела помочь, - она беспечно пожала плечами, но всю дорогу, пока мы ехали сначала до дома Кати, а потом до нашего меня не покидало ощущение, что жест этот был каким-то... привычным для нее. Словно эту дверь, в эту машину, она открывала уже не раз и даже не два.

С интуицией у меня все было хорошо и я не привыкла пропускать такие сигналы. Весь вечер посматривала на мужа. И хотя он вел себя как обычно - смотрел запись последней игры, читал новости, ужинал и даже помог убрать со стола, что-то было не так. Словно над нами повисло некое напряжение.

Уже в постели я решилась и спросила у него, не хочет ли он мне что-то сказать.

- Нет, Тань. Я устал. Давай обо всем поговорим завтра, - ответил он и поцеловал. Страстно и горячо, так что все мыс-

ли вмиг вылетели у меня из головы.

И вот все снова вернулось.

Дежавю.

Тревога, напряжение и предчувствие надвигающегося хаоса. До начала праздника оставался всего час, так что мы погрузили все сумки в машину и отправились в сторону спорт-комплекса где тренировались “Звезды”.

Сразу после событий пролога.

В подсобке на мгновение повисла тишина, а потом все резко пришло в движение.

Я сделала шаг назад, Глеб отвернулся ко мне спиной подтягивая свои трусы и спортивные на место, а Катя выпрямилась во весь рост, поправив платье и прическу.

- Тань, я все...

- Нет. Это я - все, - выпала и вылетела вон. Муж дернулся за мной, но я на ходу и со всего размаха захлопнула дверь. Услышала рык, но... плевать!

Прочь. Мне нужно было срочно выбраться на улицу, потом домой и потом уже начинать думать и анализировать то, что сейчас увидела.

Пролетаю по коридору в сторону раздевалки, нахожу рюкзак мужа и без зазрения совести забираюсь внутрь, чтобы выудить ключи от его новенького китайца.

Только оказавшись за рулем и выезжая с парковки я подумала, что возможно в моем состоянии было не лучшим решением уезжать домой так, не на такси. Но как и муж я не

привыкла менять уже принятые решения или отступить.

Руки дрожали, в ушах стоял гул, а в горле - ком, от подкапывающих слез. Перед глазами раз за разом появлялась одна и та же картинка, которую я теперь долго не смогу забыть. Пришлось сжимать зубы, чтобы не взвыть от боли.

До нашего дома я, к счастью, добралась без происшествий и даже смогла относительно спокойно припарковаться. Не помню как поднялась на этаж, но зато помню, что ключ в замке не проворачивался, а значит у нас дома была Ирина Сергеевна.

- Танюш, а что же вы так рано?

Она улыбнулась поначалу мягко и тепло, но едва посмотрела на меня все это растворилось.

Я рухнула на банкетку и горько заплакала. Горько, громко и некрасиво заплакала, пока свекровь, не задав ни единого вопроса гладила меня по голове. Кожа ее ладоней ощущалась холодной и шершавой, а движения привычными, но не ласковыми.

- Все будет хорошо, Танечка. Ты не переживай, милая. Все у вас будет хорошо, обязательно, - говорила она, словно повторяя заранее приготовленный и отрепетированный текст. Голос звучал ровно, правильно, как запись диктофона. Без единой запинки. Так... подготовлено.

Она знала.

- Вы знали, да? - спрашиваю и хочу услышать "нет", но, конечно, этого ответа не последовало.

Она знала о том, что Глеб мне изменяет. Знала с кем именно изменяет.

Как будто все, что я раньше считала просто глупым совпадением и игрой воображения, оказалось уродливой реальностью. Это ведь к Кате Глеб спускался тогда ночью?! И наверняка она не просто так прикасалась к нему, полезла на переднее сиденье машины.

Как же долго у них все продолжалось.

- Танюш, ты пойми, я не могла тебе сказать. Глебушка сам должен.

- Не могли? Почему же, Ирина Сергеевна? Почему вы допустили все это. Вы же меня дочкой называли!

Я скинула с себя ее руки, которые больше не успокаивали и не грели. Они вдруг показались мне тяжелее пудовых гирь и давили тошнотворным обманом.

- Давай мы сейчас успокоимся. Я заварила чай, пока вас ждала.

- Обойдусь.

Встаю на ноги, наконец-то скидываю уличную обувь и иду в нашу спальню. Закрываю за собой дверь впервые жалея, что в нее не врезан замок. Прислоняюсь спиной, чтобы она не ввалилась следом за мной, и, конечно, слышу шаркающие по ламинату шаги.

Свекровь, ожидаемо оказывается по ту сторону дверного полотна, потому что в такие моменты ей чуждо понятие “личного пространства” и она хочет быть в гуще событий и

все надалить. Вникнуть в каждую деталь, как будто незаметно и деликатно, но достаточно глубоко и навязчиво.

- Таня, пожалуйста, не закрывайся от меня и не глупи, доченька. Все ведь поправимо.

Её “доченька” сильно режет и хочется попросить больше никогда так ко мне не обращаться.

- Поправимо? - горько передразнила я. - Вы бы выпили сами своего успокаивающего чаю, мама. Может тогда осознате, что говорите.

И она бы так и стояла там за дверью, действуя мне на нервы и провоцируя злость к себе, словно оттягивая внимание от настоящей катастрофы, если бы в прихожей все не пришло в движение.

- Ба, а вот и мы, - пробасил Мишка, счастливый и довольный тем, что праздник прошел хорошо. Может Глеб наконец-то пообещал поставить его в одно из звеньев? Это будет очень низкий прием. - А мама где? Уехала рано.

- Спит она, Мишутка. Устала после вашей шумихи, - быстро находится Ирина Сергеевна.

Глеба не слышно.

Я тихо забираюсь на не разобранную постель, подтягивая колени к подбородку. Не снимаю одежду - нет ни сил, ни желания. За пределами комнаты происходит жизнь, а я тут медленно умираю в ожидании, когда сын угомониться и муж зайдет в комнату.

Спустя час так и происходит.

Дверь открывается. Глеб заходит внутрь и обойдя кровать без сомнений садиться рядом.

- Думаю, что нам нужно поговорить, Тань.

- Давай поговорим. - Отвечаю ему. - Рассказывай, как давно ты трахаешься с другой женщиной?

- Не так давно, как ты себе навоображала.

Его спокойный, холодный тон выбивает из меня дух. На то, чтобы закатить скандал нет ни моральных, ни физических сил, и если прислушаться к себе, то сейчас мне хочется просто остаться одной.

Вот до той секунды как он пересек порог этой комнаты все как будто было не плохо.

Прокрастинировать в данном случае не самое правильное решение, и как психолог я это знаю, но иногда отложить решение проблемы, которая неминуемо приведет к катастрофе полезно.

- И все же? - настаиваю я, чтобы содрать чертов пластырь да побольнее.

- Пару месяцев.

Ложь.

- Еще одна попытка, Глеб. Как давно ты спишь с Леденцовой? Или вы только по углам и кладовкам сношаетесь?

Он подбирается и встает на ноги, отходит от меня к окну и занимает оборонительную позицию. Руки сложены, сам встал спиной.

- Ладно, поймала! Легче тебе от этого будет, Тань? С на-

чала года и каждый раз я хотел остановиться, бл*ть. Это была история не о любви, пойми. Просто я взорвался и она оказалась под рукой. Ясно?

Нет. Ничего не ясно. Особенно его тон.

- Я не хочу тебя видеть, Глеб. Уходи!

Эти слова словно выводят его из каматоза. Он снова бросается ко мне и хватается своими руками за плечи.

- Пойми же ты, Таня! Пойми, меня, маленькая моя. Я тебя люблю, и всегда буду любить, но... Черт... - хватается за голову, тяжело вздыхает. - Катя беременна. Сын у меня будет, понимаешь? Сын, о котором я так давно мечтал. О котором мы так давно мечтали!

Говорят, что дорогу осилит идущий, но кажется, что меня намеренно ведут прямо в ад. Это шутка? Он должно быть насмехается надо мной.

Фигура у Леденцовой такая, что позавидуют эскортницы, и если я все правильно поняла - срок там совсем небольшой.

- То есть пока я восстанавливать в больнице после выкидыша ты решил попробовать "план Б"?

- Не было никакого плана!

- Гондон порвался? Или при очередной случке его не оказалось под рукой? - шиплю я. - Ты вообще думал о том, что тащил все это потом в нашу постель!

- Да мы сто лет с тобой не...

Осекается, замолкает.

Действительно, мы давно не занимались сексом. После

операции, которая оставила несколько неприятных последствий и нескольких недель в больнице врач настоятельно просила воздержаться от близости.

- Понятно.

- Ничего тебе не понятно! - огрызается, снова бросаясь в нападение. - Сын у меня будет, и я не могу его подвести. Он должен расти в полноценной семье.

- У тебя уже есть сын, - Глеб.

Я наконец-то нахожу в себе силы подняться на ноги и посмотреть на него. Ничего особенного. Муж как и всегда выглядит хорошо. Никаких признаков слабости - плечи развернуты, взгляд прямой и упрямый, на ногах стоит твердо. Вот только у меня перед глазами все плывет.

- Мы оба знаем, что он мне не родной и...

- И что? - от неожиданности мы оба резко поворачиваемся в сторону двери.

Там стоит Миша. Как давно? Как много он слышал?

- Выйди, это разговор взрослых людей! - чеканит Глеб, но уже не так уверенно, как несколькими минутами раньше осаживал меня.

- Правда, а я думал, что какой-то моральный урод объясняет моей маме почему кувыркался с какой-то шмарой.

Кажется это первый раз, когда Миша пошел на открытую конфронтацию с отцом. Дома не было необходимости соблюдать субординацию тренер-игрок, но Глеб в его глазах всегда был непререкаемым авторитетом и примером. Так жаль,

что идеалы и ориентиры сына рухнули всего за несколько секунд.

Не сказал ни слова Глеб вылетает прочь. Я слышу как в прихожей что-то причитает Ирина Сергеевна, как муж огрызается на мать, как громко хлопает входная дверь.

На секунду все замирает, а потом Миша подходит ко мне, сжимает холодные пальцы крепко-крепко.

- Тебе помочь? - спрашивает мягко, словно боится спугнуть.

- О чем ты?

- Вещи, мам. Нужно собрать вещи. Мы уходим.

Глава 3

Спустя три недели.

В глазах Миши горел такой праведный гнев, что сопротивляться ему в тот момент было невозможно.

И я собрала вещи, сложила одежду, документы, косметику, некоторые любимые книги и какие-то мелочи в один чемодан. Миша собрал две спортивные сумки. Вот и все, что мы могли унести с собой из этой квартиры.

Так странно - тринадцать лет брака, а нажила я совсем немного.

Той ночью в такси мы ехали молча. Миша сам позвонил моей маме с новостями о том, что мы сейчас приедем, чтобы не ложилась спать.

Он даже не понимал, что тащит нас из одного ада в другой.

Если моя мама Мишу любила, то Глеба - обожала.

В его глазах Громов был непоколебимым авторитетом и героем. Полюбил меня с Мишкой, еще совсем маленьким - тогда ему едва три исполнилось. И я была влюблена, а мама очарована. Все говорила мне: "Повезло тебе, Танька. Второй раз так повезло. Держись за него, не дури!".

Поэтому когда мы нарисовались у нее на пороге с вещами тринадцать лет спустя - вернулись туда, откуда съехали - радости на ее лице было не больше, чем осадков в Сахаре.

- Ну что, пожила хорошо и хватит? Выставили? - зашипел

ла она, едва Миша ушел спать, рассказав про то, что сделал Глеб.

Мой милый наивный мальчик не знал, что на Татьяну Петровну это никакого впечатления не произведет.

- Мам, давай завтра, - устало произнесла я.

- Да хоть когда.

Фыркнула и забрала чашку с недопитым чаем.

- Если наше присутствие тебя так напрягает, то мы...

- Что вы? Ну что, Тань? Снимать пойдете? Откуда деньги-то. С каких пор психологам столько платят, чтобы хватало на съем жилья? И почему вы ушли, а не Глеб? Ты имеешь такое же право на ту квартиру - куплена она в браке.

- Я знаю.

- Знает она! Знала бы, так не допустила, чтобы какая-то шалава на твои квадратные метры метила.

- Беременна она, - вздыхаю.

- А я говорила тебя - рожай.

- Мама! - осаживаю зло и только тогда она замолкает, потому что задевает за живое. Сама же сидела у моей постели в больнице, сама еду готовила и приносила.

Так проходят дни. Почти целый сентябрь.

Миша настоял на том, чтобы перевестись в другую школу - ту, что ближе к нашему новому дому. Я его отговаривала - все-таки выпускной класс, но он "все решил, и не нужно делать из этого трагедии". Из команды он тоже ушел, в чем меня тотчас обвинили Глеб, Ирина Сергеевна и мама.

Настращала парня! Ломаешь ему карьеру! Губишь спортивное будущее.

Я же сама пока не понимала к какому будущему иду. Знала лишь, что Глеб подал на развод, предложил выкупить мою долю квартиры, чтобы ни у меня, ни у Миши не было к нему имущественных претензий.

Он говорил, что так будет правильно и цивилизованно.

Получается, что Миша оборвал свои связи с прошлым, Глеб полностью порывает со мной, значит и я должна двигаться дальше. Сняться с этого якоря, который мертвым грузом висит на шее. И первую очередь - уволиться.

Рассуждая об этом, встаю наконец-то с дивана - второй раз за день. Умываюсь и переодеваюсь, чтобы почувствовать себя человеком, а не частью квартирной мебелировки.

Выхожу на кухню, ставлю чайник и разогреваю суп, который варила вчера. По времени Миша должен вот-вот вернуться со школы. Теперь у него нет секций и нет причин задерживаться.

Три недели. Двадцать один день. А кажется, что прошла целая жизнь.

Дверь в прихожей наконец-то хлопает.

Миша бросает рюкзак у порога. Он делает это громко, нарочно - чтобы я знала: он здесь, но не хочет разговаривать.

За последние дни настроение сына, как и его успехи в учебе, скатились.

Он проходит сначала в ванную, затем застывает в арке

кухни. Худой, в немного мятом школьном свитере. Волосы длиннее, чем обычно - он так и не подстригся, хотя я давно просила.

- Привет, - здоровается он. - Куда-то собралась?

- Увольняться поеду.

- Ясно.

Он смотрит на меня, и в его глазах не злость, нет. Разочарование. И если бы я спросила о его природе, он бы и сам не ответил - откуда оно взялось.

- Как в школе?

- Нормально.

- Познакомился с кем-то?

- Нет.

Он садится за стол, берет ложку и начинает есть, заканчивая наш не особо побуждающий диалог.

- Что ж, я тогда поеду. Бабушке передай, что вернусь к вечеру и... меня добавили в родительский чат, написали что на следующей неделе собрание.

- Угу.

Я вздыхаю, поднимаюсь с места и выхожу в прихожую, чтобы быстро собраться и выйти из квартиры.

И я могла отмахнуться от слов собственной мамы, не обращать внимания на ее причитания и стенания по поводу, что все могло быть иначе будь я умнее, хитрее и мягче. Но когда твой собственный сын внезапно начинает отворачиваться и закрываться, то чувство, что подвела и его тоже, на-

крывает лавиной.

Несколько минут на улице решаю дилемму - взять такси, чтобы не выглядеть в глазах мужа и его будущей жены нищевородкой или сэкономить двести рублей, потому что неизвестно когда я смогу найти подходящую своему профилю работу.

Выбираю второе.

Какой вообще прок от гордости, если в кармане будет пусто?

Я еще вчера предупредила Веру из отдела кадров о том, что напишу заявление задним числом, что мне нужен расчет и все полагающиеся справки. Она вежливо и крайне тактично произнесла “Понимаю” и пообещала, что все будет готова к трем часам.

Обычно в это время команда уже на льду и идет полноценная тренировка. Регламентировано до пяти вечера, потом фигуристы, потом - с семи - свободное катание.

Автобус подбирает меня на остановке, и так как до стадиона “Звезд” у меня почти сорок минут через центр - есть время подумать и даже немного предаться патетике. Качаю головой, словно отгоняя глупости, которые рисуются перед глазами, как новые картинки из калейдоскопа. Глеб просит (нет, умоляет!) простить его, клянется, что это ошибка, стоит на коленях.

Распахиваю глаза, чтобы сбросить с себя этот морок. Еще

чего не хватало! Предаваться таким глупостям и рассчитывать, что он даст разводу обратный ход - какая ерунда. Да и не хочу я этого, у них же будет ребенок! Сын!

На стадион захожу с парадного входа и сначала направляюсь в отдел кадров, где отдаю заявление и получаю “Обходной”. Нужна подпись бухгалтера, библиотекаря, материального стола, директора спорткомплекса и главного тренера “Звезд”. Вот же! Значит встречи не избежать.

Обойдя почти всех, прощаясь и принимая сухие наставления на лучшее будущее, захожу в свой кабинет, чтобы забрать некоторые личные вещи - в основном дипломы. Хотела прихватить кружку и жилетку, но на них символика команды, к которой теперь ни я, ни Миша не имеем отношения, так что это лишнее.

- Таня? - Глеб стоит в дверях и выглядит взмыленным. Тренировка закончилась? - Ты здесь?

- Да, зайди, - решаю, что откладывать надолго этот разговор нет смысла. - Нужно кое-что подписать.

Он вваливается в кабинет прямо в коньках. Смотрит на обходной лист, а затем на меня.

- Ты... Тань, ты уверена? Послушай, ты не должна терять работу только потому что у нас с тобой не сложилось.

Его формулировка меня задевает. “Не сложилось”. Как просто Глебу удастся завуалировать свое предательство.

- Подпиши, - настаиваю.

- Слушай, ты хороший специалист, ребята к тебе привык-

ли и им нужен тот, кому они могли бы доверять, когда я не могу достучаться.

- А ты стучи громче, вдруг кто-то откроет, - язвлю я, защищаясь от его такого искренне виноватого взгляда. - К тому же с чего ты взял, что я захочу остаться там, где моему сыну не рады.

- Миша сам принял решение уйти. Его никто не просил. Это он подвел команду, оставил без запасного нападающего, - оскаливается Громов.

- Оставил? Запасного! - бросаю ему в ответ ядовито. - Сколько раз за прошлый сезон ты выпускал его на лед? А? Глеб, ты просто уничтожал самооценку сына, пока он тебя боготворил!

- У него просто нет того, чем должен обладать настоящий хоккеист!

- Чего например? Таланта? Да он отлично играет, и никто бы в этом не усомнился, дай ты ему шанс! Так что с ним не так? Что не так с твоим сыном?!

- Он - не мой сын!

Глеб говорит ровно, смотрит тяжело, мне становится душно и тошно. Проходит еще около минуты, когда в кабинет вваливается еще и Катя. Отлично, только будущей мисс "идеальная укладка" н хватало для всей этой сцены.

- Простите, я помешала?

- Нет, - говорю я.

- Да, - рывкает Глеб в унисон со мной.

- Подписывай обходной и я ухожу, - протягиваю ему руку, буквально насильно сую в руку и он ставит свою подпись.

Не прощаясь вылетаю из кабинета, чтобы успеть до того как Вера из кадров уйдет домой. Успеваю! И спешу на выход, когда меня на своих шпильках у самого входа нагоняет Леденцова.

- Таня, погоди, - она хватает меня за руку. - Подожди минутку, я просто... мне нужно.

- Что?

Она выдыхает и замирает, словно не знает как продолжить. Словно то, что я останавлиюсь и дам ей возможность сказать не входило в ее планы.

- Мне жаль, что все так вышло.

От тихого, извиняющегося, почти подобострастно голоса по спине пробежали мурашки. Но в отличие от Глеба я не злилась, мне было противно. Словно меня пытались привлечь к чему-то грязному, заставить принять чье-то раскаяние.

- Мне все равно.

- Но... - ее голос стал еще тише, в нем слышалась дрожь, и я уверена, что на глаза наворачивались слезы. А стонала она громко и весьма резво подмахивала задницей. - Я правда не хотела.

Я не стала слушать эти оправдания до конца и вышла на улицу. Поймала такси (все-таки меня рассчитали и деньги уже упали на карту), чтобы побыстрее убраться подальше от-

сюда.

А дома Миша сидел на кухне, допивая чай с мамой - она принесла расстегай с рыбой, который наполнил ароматом свежей выпечки всю квартиру. Я разделась в прихожей, повесила свой пиджак, но не стала их тревожить. Лишь когда они ушли - вышла попить воды, от безделья перемыла посуду, а когда заглянула под раковину, чтобы выбросить фантик от конфеты обнаружила брошенный мимо ведра смятый флаер.

Из любопытства подняла и развернула. На нем оказалась яркая красочная надпись:

“Атлант” - “Викинги”

В субботу в 18:00!

Приходи поболеть за любимую команду!

Родительское собрание назначили на вечер четверга. Обычная практика, ничего нового.

Петляя по коридорам, оценив старенький ремонт, скрипучие полы и частично замененные в коридорах окна, я нашла нужный кабинет русского языка и литературы.

Номер 312.

Я родилась 3 декабря, так что убеждаю себя, что это хороший знак. Что все наконец наладится. Как маску, натягиваю на лицо улыбку, и захожу.

В классе чисто и уютно, но мебель как и вся обстанов-

ка, давно не обновлялась. Доска советская - меловая, парты двойные без возможности регулировать по росту. Стулья - деревянные. Прямо как двадцать лет назад.

- Здравствуйте, - несколько пар глаз с любопытством смотрят на меня, но их интерес быстро проходит. Через секунду они снова обсуждают выпускной.

Надеюсь, Мишу здесь приняли более радушно чем меня.

Я занимаю место за самой крайней партой. Той, что стоит в ряду у стены, ближе к двери, чтобы сразу уйти, как только все закончится.

Через десять минут, когда собираются остальные и новый Мишин классный руководитель берет организацию собрания в свои руки, все стихают.

Мария Иванова Колесова быстро рассказывает про план на год, про расписание каникул, про предварительные новости о грядущем ЕГЭ, повторяя: репетиторы, репетиторы, репетиторы!

Черт, я ведь так и не записала Мишу на занятия по английскому и физике. Не продлила его индивидуальную подготовку. От досады вздыхаю и бью кончиком ручки по парте, чем привлекаю внимание.

- Татьяна Григорьевна, вы что-то хотите спросить? - уточняет Колесова.

Я качаю головой, поражаясь тому, что меня здесь знают. Я же мама новенького, и это наша первая встреча.

Гомон возобновляется.

Выбирают родительский комитет (по факту утверждают старый), накидывают варианты бюджета на праздник, фотографа, ведущего, подарка учителям и, конечно, место проведения. Суммы звучали от весьма скромных до самых неприличных.

Периодически меня тоже пытались подключить к диалогу, я вежливо кивала в ответ на все предложения. Что сказать? Я вообще не знаю, захочет ли Миша в этом участвовать!

И обсуждать это с ним сейчас - бесполезно.

С тех пор как мы переехали - почти не разговаривали, а если и случалось, то я чувствовала, как сложно ему держать нервы под контролем. Его все еще штормило от пережитого стресса, а выпустить адреналин было некуда.

Наконец-то спустя два с половиной часа, когда за окном уже стемнело, папа одного из учеников нескромно зевнул и кажется даже захрапел. Так ничего толком и не решив кто-то пообещал создать опрос в чате. Все стали расходиться.

- Татьяна Григорьевна, - окликнула меня Мария Ивановна, - задержитесь, пожалуйста еще на несколько минут.

А я очень надеялась, что этого не случиться.

Колесова тактично ответила на все вопросы родителей и даже самых "тревожных" смогла технично отправить домой без дополнительной траты нервных клеток и десятикратного повторения одной и той же информации.

Я подошла к ее столу и она жестом попросила сесть напротив.

- Вы мама Миши Громова и я очень рада с вами познакомиться лично. Но хотела спросить, как ему у нас?

В опустевшем классе вопрос, пусть и не громкий, эхом отразился от стен и тяжело опустился на мои плечи.

Стыдно, но я не знала.

- Думала, что вы мне расскажете, - отвечаю пространно.

- Расскажу. Мише тяжело, - она делает выразительную паузу, чтобы я услышала ее и распробовала это слово.

Про "тяжело" у мальчишек его возраста я могла рассказать Марии Ивановне достаточно много и без таких вот пауз. Много видела и слышала - из первых уст и просто со стороны. Профессия такая.

- Проблемы с учебой?

- Нет, занимается он хорошо - не лучше и не хуже остальных. Уверена, что и к экзаменам подготовится и подойдет без проблем, но с одноклассниками не ладит. Внешне пока это никак не проявляется, но поймите, возраст такой, что они все и всегда на взводе. Миша яркий и привлекательный, а мальчишки у нас такие... хорошие все, но... пока не сошлись они. Возможно видят конкурента - не товарища. И если так пойдет дальше, то...

Я понимала что будет дальше. Булинг. Драки. Еще одно разочарование.

- Это переходный период, думаю, что к концу первой четверти все нормализуется, - ответила я, но не верила ни единому своему слову.

- Не нужно ждать конца четверти, - Колесова пересела ко мне ближе, за парту. - Я читала личное дело Михаила. Он всегда был спортивным мальчиком, а сейчас он чем-то занимается? Кажется что нет - он ведь ушел из своей команды по хоккею.

В ее голосе нет осуждения или заинтересованности в возможных сплетнях обо мне и Глебе.

- Ему, как мне кажется, нужна дисциплина, - продолжает Мария Ивановна, - команда, возможность выпустить пар. У нас есть спортивные секции в школе, да и стадион рядом - там тренируют команду "Атлант". Слышали про нее? Не такая мощная, как та что... ну не "Звезда", но тоже участвуют в местных играх. В субботу вот будет. У нас мальчишки играют в хоккей, взять хотя бы Савелия Тихонова, уверена он мог бы замолвить словечко за Мишу.

Хоккей? Опять хоккей. Уверена, стоит только заикнуться об этом, нарвусь на бойкот длиной в полгода. Или...

Вспоминаю выброшенный флаер и становится грустно.

- Спасибо, Мария Ивановна, я подумаю об этом.

- Не надо думать, просто делайте. Миша хороший мальчик, но он как будто сидит в своей раковине. Хочется растормошить его, расшевелить. Заставить улыбнуться, в конце концов!

Последние слова ранят особенно сильно. Как давно я не видела Мишину улыбку? Месяц? Или уже больше? Вместе с

тем пытаюсь вспомнить, а когда в последний раз улыбалась я сама. Кажется, что в где-то в другой жизни.

- Спасибо, я постараюсь, - прячу глаза и тороплюсь на выход.

Господи, почему до сих пор так больно! Говорят, что время лечит, но мой доктор работает против меня.

Закрыв дверь, снова замечаю номер на ней. Дата моего рождения. И с чего я взяла, что она принесет мне удачу?

Домой я шла раза в три дольше чем обычно. Всю дорогу думала, как говорить с Мишей? Как вытащить его из той раковины, в чтобы не сломать хрупкое равновесие между нами. Как помочь найти друзей в классе. И стоит ли снова возвращаться в хоккей.

Играть.

За другую команду. В другой экипировке. Под другими цветами и началом другого тренера.

“Нет”, - твердила рациональная часть меня.

“Да!”- нашептывала другая, та, которая видела, как Мишке нравится спорт, как горят его глаза, стоит сыну оказаться на льду, как он был счастлив, держа клюшку в руках.

Но была и третья часть меня. Темная. Опасная.

Именно она рисовала перед глазами физиономию Громова, когда сын выйдет на лед против него и разнесет “Звезд” на молекулы. Мой сын. Не его!

Визуал 3. Миша

Всем привет.

Дорогие читатели, давайте я расскажу вам о нашем Мише.

Мне безусловно приятно, что он запал вам в сердечко и вы горячо поддержали его решение съехать от Глеба. Надеюсь, что вы не будете злиться, что он сейчас немного запутался в своих эмоциях.

Ему - 16. Он подросток со всеми вытекающими. И чувствует не только гиперответственность, но и бесконечное давление. Как и Таня он в один момент потерял все - дом, отца, налаженный быт.

Но еще он потерял моральный ориентир.

Он был частью игры и команды. Он всегда был под началом Глеба не только как сын (Миша знает, что они не кровные), но и как игрок, поэтому прошу вас строго не судить парня за то, что его "штормит". Откаты ведь накрывают не только девчонок.

А вообще у нас мальчик - красавец.

Скажите же, да?!

Глава 4

Миша Громов.

Он шел домой под дождем и, кажется, промок до нитки.

- Вот, срань! - выругался, свернув в ближайшую арку, чтобы переждать внезапный ливень. Первый в этом сентябре.

Мимо шла группа одноклассников, от которых он и старался побыстрее убежать. Позорно и непривычно. В *своей*-школе все было иначе. В *своей*школе он был центром веселья и зависти. Друзья. Лайтовые преподы. Идеальная семья, любимые и любящие его родители. И пусть отец слишком строг на тренировках, зато во всем остальном - лучше не найти.

Как же быстро все это закончилось.

Миша пнул валявшийся на земле красочный флаер носком своих кроссовок, тех, что Глеб привез из командировки в Турцию. Точно такой же он выкинул дома в ведро.

- Эй, "Тучка", в хоккей играют клюшкой, а не кроссами. Или решил футболистом заделаться? - гоготал Савва, и все его подпевали. И там не только парни из класса, а частично состав "Атланта".

Да, он знал про эту команду. Смотрел с отцом одну или две игры и вдоволь прошелся по всем их болевым точкам. Отсутствие координации, взаимосвязи между звеньями и игроками в частности, старая форма, старый инвентарь, крошечный стадион, который казалось чудом еще стоит и не

рассыпается на кирпичи. И главное - постоянные просёры.

“Атлант” словно разминка для каждого клуба в лиге - груша, чтобы поставить удар. Тренировочка.

- Иди на хер, Тихий. Лучше читайте молитвы Скандинавским богам, а то “Викинги” вас на дыбе вздернут и даже не вспотеют.

Миша умел язвить, а здесь хотелось опустить этого придурка также жестко, как он сам отхватывал.

Каждый день.

Каждый чертов день в этой дебильной школе.

- Ты, бл*ть, нарываешься, - идиот кинулся в его сторону, но парни его остановили, со словами, что перед игрой не стоит.

Жаль. А то кулаки так и чесались.

Сам он не мог, а нарываться как следует еще не научился. Но Миша был близок к цели как никогда. А впереди целый учебный год, который просто придется перетерпеть.

Правда было и то, что волновало его сильнее, чем стремительно схлопнувшееся детство и потеря привычного круга общения.

Мама. Она плакала и переживала. Переживала и плакала. И так постоянно на протяжении всех дней, едва они пересекли порог бабушкиной квартиры. Миша и понятия не имел, что баба Таня *такая*. Нетерпеливая, нетерпимая, прямая и жестокая. Не к нему - нет. К своей дочери. И он не знал как помочь маме, а этого ему сейчас хотелось больше всего.

Дождь закончился и Миша быстро добежал до дома, молча скинул рюкзак и сменку в прихожей, чтобы забраться к себе и потупить в телефоне еще часик до того как начать учить уроки, но в комнате его ждали.

- Привет, мам, - он непроизвольно улыбнулся.

- Привет, Миш. Я тут... - она без долгих вступлений и молча протянула ему флаер, - билеты купила на игру.

Ха! Они на это ледовое поЗорище еще и билеты продают?

- Зачем?

- Ну как же? Сходим, посмотрим. Понаблюдаешь за игрой как зритель, расскажешь свои впечатления.

- Да я итак могу тебе все рассказать, что это не команда, а... - Миша осекся, потому что мама, которая только что улыбалась (чего давно не было замечено) и была полна энтузиазма провести с ним время, сразу поникла, как цветок лишенный солнца.

- Мы могли бы сходить вместе. Как раньше.

Нет, он не настолько конченный, чтобы отказать ей в единственном, о чем она его попросила за последний месяц.

Не мог. Не имел права.

- Я не скучаю по тем временам, - Миша старался, чтобы его голос звучал уверенно и вместе с тем равнодушно, - но если хочешь, выведу тебя на хоккей, а потом пойдем в бургерную и отметим это дело.

Уже в субботу вечером, накинув худи с глубоким капюшоном, он входил на стадион, чтобы занять место сразу за

скамейкой “Атланта”. Мама кажется была довольна и лишь с некоторым интересом посматривала на него. Считывала реакцию, смотрела как он будет себя вести.

Это у нее, конечно, профессиональное.

Главное не выдать свое раздражение и... ностальгию.

Стадион, как он и ожидал, оказался маленьким, кресла давно стоило заменить, атрибутику обновить, а выкаченные на лед ворота кажется в некоторых местах проржавели (!) - просто без комментариев. Кто вообще инспектировал и допускал их в лигу?!

И все же...

При виде коробки и команд на раскатке - сердце Миши гулко ёкнуло.

И этот типично стадионный запах проник в легкие, заставляя дышать еще глубже - лед, пот, металл и дерево. Как бы было неприятно это вспоминать - он скучал. И по тяжести формы, и по тому как клюшка лежала в руке, и по заброшенным шайбам, пусть даже не в игре, а лишь на тренировках.

Миша любил хоккей. Любил и одновременно ненавидел, потому что...

- Смотрите, “Тучка” вышла из своего укрытия! Прости чувак, у нас запасных хватает! - Громов услышал голос Савелия Тихонова и нестройный гогот команды.

Миша поднял руку и показал средний палец своему однокласснику, который не оставлял сомнений в том, куда тому стоит сходить со своим гнилым языком.

Мама рядом тут же напряглась, но до того как на успела вставить свой комментарий они оба услышали мужской жесткий окрик.

- Савелий, я не понял?! Ты у нас второй Буре или первый Овечкин?! Марш в раздевалку, игра через десять минут!

Миша видел только сине-черную бейсболку, но понимал, что *так* со своими игроками может разговаривать только главный тренер.

Он даже разглядывать того не стал. По фиг!

Главное продержаться три периода, а потом объяснить маме, что в плане хоккея у него больше никаких ни планов ни иллюзий не осталось. Больно убедительно отец... *то есть Глеб*, все ему разъяснил.

А когда наконец закончили заливку льда и представление команд, раздался стартовый свисток.

Игра началась.

Миша не ожидал от “Атланта” высоких результатов. Да и откуда им взяться, если в каждом звене есть просадки. Не хоккей - цирк какой-то. Вот защитник третьего звена, Гололов, крутит головой по сторонам. Его тут же обокрали, и нападающий “Викингов” уже забросил шайбу в ворота.

- Проще, чем у ребенка отобрать конфетку, - усмехнулся он вслух, комментируя игру для мамы, чтобы она тоже понимала, что именно происходит.

- Кажется, что номер “Восемь” просто не сосредоточен на

игре, - ответила она.

Миша закатил глаза.

Он словно и забыл, что Татьяна Громова работала вместе с отцом последние лет десять и знала про хоккей не меньше, чем он сам. Плюс она могла без особых проблем прочитывать моральный настрой игрока, и для этого ей не нужно было даже с ним разговаривать. От этого иногда становилось жутко и неуютно.

Миша тут же дал себе мысленный подзатыльник. Какой отец?

Глеб - не родной, никогда им не был и не будет. Скорей бы уже были подписаны все документы, может тогда его мама сможет спокойно жить дальше.

Пока он думал об этом прозвучал свисток. Первый период закончился со счетом 0:2 не в пользу "Атланта". Команда уходила под трибуны, а вслед им летели колкие фразы тренера.

"Если бы я хотел посмотреть на фигурное катание, то купил бы билет на шоу Плющенко!"

"Гололобов, ты защитник или декорация? Давай тебе на шлем бантик повесим, чтобы ты смог соответствовать!"

Он продолжал сыпать этими едкими оскорблениями в адрес своих игроков, а сидящие на ближних трибунах зрители всё слышали и хихикали.

- Хам! - возмутилась мама. - Кто так разговаривает с ребятами, да еще и вне раздевалки?

Мише было все равно, потому что они действительно заслужили это, и результат на табло - лучшее тому подтверждение. Да и Тихонов перестал выставлять зубы на просушку.

Второй период прошел ровнее.

“Атлант” сравнял счет, а их тренер, на спине которого красовалась надпись “Ильясов” и номер “23” продолжал раздавать комментарии, которые могли даже тихоню довести до нервного срыва.

А еще он смотрел на них.

На него, Мишу, и на его маму. Допустим он мог узнать парня, но в прошлом столкновении со “Звездой” эту команду выводил другой тренер. Но зачем на маму-то так зыркать? За такие взгляды можно и зыркалок лишиться!

К тому же... Ильясов Ренат не был для Громова младшего него фигурой неизвестной. Несколько раз он всплывал в разговорах Глеба, и его *papa*, то есть бывший тренер, всегда относился к нему с раздражением, даже презрением. Называл выскочкой и неуравновешенным, эксцентричным идиотом.

Второй период закончился со счетом “2:2”, а в третьем “Атлант” все-таки смог навязать свою игру выдохшимся “Викингам” и вырвал победу. Шайбу на предпоследней минуте забросил Савелий Тихонов и теперь вел себя как горилла, празднуя это достижение.

Миша запыхтел от досады.

- Пойдем? - он хотел уйти сразу после свистка.

- Подожди, - попросила мама. - Кажется еще не все, смот-

ри что-то происходит.

“Друзья! Не расходимся!” - объявил стадионный комментатор. - Сейчас будет любимая часть программы для всех, кто пришел на игру и поддержал нашу команду. Игроки выберут счастливчика, который может попытаться и забросить шайбу в ворота. Если попытка будет удачной - мы подарим ему ценный приз, если нет - что ж, это будет отличное воспоминание!”

Трибуны погрузились во мрак, в затем замелькали прожектора. Синий, желтый, красный. Бесконечный калейдоскоп огней, который резал по глазам. Команда на льду совещалась, затем они показали какой-то жест тренеру и во мраке один единственный прожектор загорелся над Мишей.

Тишину тут же сменили восторженные перешептывания и аплодисменты поддержки.

Миша знал, что его выбрали не случайно и отказаться, сбежать, встать и уйти, положив на этот сраный вызов было бы лучше всего, но... он не мог. Мама вцепилась в его колено и даже сквозь джинсы он чувствовал какая холодная у неё ладонь.

- Ты не обязан, - шепнула она.

- Ерунда какая, - усмехнулся он, встал на ноги и двинулся вниз, хотя внутри все рвалось на части от необходимости идти на лед вот так, по принуждению.

Он всегда стремился туда - в коробку, но Глеб держал его на скамейке, а теперь когда поставил на хоккее крест - от

него ждут... провал! Чтобы с фанфарами и треском. Чтобы унижение катилось за ним еще несколько месяцев к ряду.

- Привет, чемпион. Размер коньков? - уточнил второй тренер, пожимая ему руку.

- Сорок второй.

Выдали нужную пару. Потребовалось минуты три, чтобы как следует зашнуроваться. Пальцы привычно и быстро справились с задачей.

- А знаешь почему твой отец не выпускал тебя на лед, Громов? - неожиданно спросил у него Ильясов, до того как будто не замечавший, кого именно вызвали бить шайбу. И не дожидаясь ответа Миши, добавил. - Боялся, что ты будешь играть лучше, чем он.

Трибуны стихли, все игроки, кроме вратаря покинули коробку. Шайба на центральной точке вбрасывания, клюшка в руках, шлем на голове и слова, которые набатом бьют по ушам.

"Лучше, чем он. Лучше, чем он. Лучше..."

- Тучка, давай! Только не плачь потом горячими слезами, - громогласно простебал Тихонов.

- Лучше, чем он, - шепнул Миша сам себе.

Лед звонко хрустнул под коньками, когда Громов сорвался с места. Несколько шагов для разгона, ложный выпад, замах и шайба летит ровно туда, куда он даже не смотрел. В девятку.

Вот так!

Стадион взорвался аплодисментами и криками, ведущий поздравлял и объявлял “ценный” приз - годовой абонемент на посещение матчей. Игроки “Атланта” смотрели на него с толикой пренебрежительного одобрения. *“Неплохой бросок”, “Захаров устал просто”, “Вот тебе и запасной!”*. Даже Тихонов усмехнулся и показал два больших пальца вверх: типа “классно”, а затем два средних, за что тут же отхватил от Ильясова по шее.

Миша нашел глазами маму. Она улыбалась, хлопала в ладоши и смотрела на него как на героя!

И кажется впервые за последние недели была по-настоящему счастлива.

Глава 5

Таня.

Зрители гурьбой покидали трибуны и спорткомплекс, но я задержалась в холле и изучала стенд с официальной информацией для тех, кто здесь занимался или для тех, кто только хочет начать свой путь в фигурном катании, хоккее и даже... кёрлинге? Серьезно?

Здесь также была информация о вакансиях для тех, кто ищет работу. Срочно требовались бухгалтер, подсобный рабочий и буфетчица.

- Татьяна Григорьевна, - не вопрос, утверждение.

Я оборачиваюсь на сто восемьдесят градусов, чтобы упереться носом в широченную грудь с номером "23", выбитыми синими цифрами на черно-белом полотне его худи.

- А вы... - приходится отойти на два шага, чтобы не сильно задирать голову, разглядывая его.

- Ренат Ильясов, - он хватает меня под локоток и бесцеремонно уводит меня за широкую колонну, там где поток людей не такой сбивающий с ног. - Главный тренер и по совместительству массовик-затейник этой цирковой труппы.

- Догадалась, - бросаю в ответ.

На меня типично напирал типичный хоккеист. Широкие плечи, мощные руки, и поза альфа-самца, призванная показать кто тут главный.

Вот только... глаза у него светлые, и такие прозрачные, как лед на Байкале в феврале. Русые кудри торчат во все стороны из-под бейсболки, а переносицу рассекает шрам - тонкая ниточка, словно кто-то провел карандашом и забыл стереть.

- Изучаете вакансии спорткомплекса?

- Нет. Сына жду.

- А я думал вакансии изучаете. Есть что-то подходящее для вас?

Вопрос странный, но я молча отрицательно качаю головой.

- Я вот слышал, что вы, Татьяна Григорьевна, по образованию психолог. Может быть все-таки соблазнитесь на открытую вакансию?

Я ухмыляюсь.

- Буфетчицы?

- Нет, же. На работу с пубертантными тестостероновыми подростками, которые раскатывают на железках по льду и с палками в руках. - Он забрался в карман и достал пластинку жвачки, пока я пыталась понять, к чему идет разговор. - Им всей этой атрибутикой охото размахивать и драться, а потом скулить из-за каждой пропущенной шайбы. Мне нужен человек, который во время кризисов их неокрепших личностей будет оперативно вставлять мозги на место, а в промежутках настраивать на нужный лад. Психолог, короче, нужен. Прямо позарез.

И смотрит на меня. Пытливо. Выжидательно.

Словно я прямо сейчас должна или могла бы дать ответ.

Положительный.

У меня внутри все ухнуло вниз от волнения. Ладони вспотели.

Эта работа непростая, нервная, не поддающаяся понятному графику, но такая *моя*.

- Вы... предлагаете мне должность? Это в вашей компетенции? - я нахмурилась. - Если это шутка, то...

Ренат рассмеялся. Вокруг глаз появилась паутинка морщинок, но суровый профиль стал словно чуточку мягче.

- Шутки у меня другие, если хотите может спросить мою цирковую бригаду, как именно я люблю развлекаться. А это - деловое предложение.

Предложение звучало отлично, вот только были свои "но". Да так много, что можно было записывать стройным списком и первым был бы мой сын. Что он скажет? Что подумает?

- А Миша? - спрашиваю я.

Ильясов лишь пожал плечами, все еще перебирая между пальцами серебристую пластинку.

- Ему шестнадцать и насколько я понял, что за вашу юбку он держаться не привык. Похвальное качество для мужчины. Захочет - пусть приходит на тренировку. Места в команде не обещаю, как уж себя покажет.

- Будто заброшенной сегодня шайбы недостаточно.

- Недостаточно, Татьяна. Но знаете, я парней в команду за

уши не тяну, особенно тех у кого в конкурентах отец.

Это он сказал Мише, когда тормознул перед выходом его на лед? Грубо. Действительно. Он уверен, что ему нужен штатный психолог? Кажется он с настроем игроков и сам прекрасно справляется. Я смотрела на мужчину напротив, ища подвох, но за синевой глаз и ямочками на щеках ничего не могла разобрать.

И ответ дать так и не успела.

Из раздевалки в холл вывалила ватага подростков, бурно обсуждающих прошедший матч. Среди них был Миша, спорящий с одним из игроков команды.

- Я подумаю, Ренат... - я ведь не знала его отчества.

- Просто Ренат, - подмигнул он, засунув блистер жвачки обратно в карман. - Жду в понедельник, к девяти. И постарайтесь не опаздывать.

Он развернулся и пошел в противоположную от выхода сторону.

- Мам, домой?

- Конечно, - улыбнулась сыну, уже потеряв Ильясова из виду.

От стадиона до нашей квартиры идти было не так уж и долго. Вечер был прекрасным, так что мы решили прогуляться пешком. Я ожидала, что Миша будет делиться впечатлениями от игры и заброшенной шайбы, но он был молчалив. На два моих вопроса ответил настолько невпопад, что я не стала тянуть из него информацию клещами.

И все было хорошо. Все было прекрасно до тех пор, пока мы не пришли домой, потому что уже с порога я услышала голос Глеба, который что-то весьма бодро рассказывал моей маме, а та заливисто хохотала во весь голос.

Голоса сливались в какофонию, смех пробирал до нутра. Сердце ухнуло вниз, оставив после себя ледяную пустоту. Я не могла поверить, что все это происходит на самом деле.

Здесь.

С нами.

Миша тоже заметно напрягся, готовый не просто выступить вперед, но и наломать дров. Ему шестнадцать, а уже вон как желваки ходят, руки сжались в кулаки-кувалды.

- Зачем он здесь? - рычит сын.

- Сейчас узнаем, - отвечаю сипло.

Соберись, Тань! Ради сына, соберись!

Расправляю плечи, поднимаю голову и делаю шаг на кухню. Сын остается позади, но лучше так, чем он сразу кинется на отца...

“На Громова”, - поправляю себя. Пора отвыкать. Не родной он ему, хотя Глеб усыновил Мишаню официально, и фамилию свою дал.

Мама суетится вокруг, подливает кипятку в кружку моему мужу.

Вот-вот бывшему.

Тот сидит расслабленно, лениво ожидая, когда его обслуж-

жат, выслушают, посмеются над шуткой и попотчуют горячими пирожками с картошкой и грибами. Как будто ничего не произошло. Как будто не он нас предал.

- Наконец-то, а мы только вас и ждали, - пробасил он. - Где вы ходите так поздно?

Чувствую как плечо Миши выдвигается вперед. Примирительно сжимаю его кулак, чтобы не ляпнул лишнего. Не нужно сейчас Громову знать *где именно* были.

- Гуляли. Ты что здесь забыл?

- Таня! - укоризненно возмутилась мама. - Что за манеры? Глеб решил принести вещи, которые вы забыли дома.

Она показывает на сумку, которую мы сразу и не заметили в прихожей.

- А ты его адвокат?!

- Не хами маме, - Громов медленно и картинно поднялся с места на ноги и развернулся ко мне лицом.

- Тогда сам ответь, что ты здесь забыл? Принес документы на развод? Не терпиться снова жениться?

- Вообще-то, я пришел узнать как ваши дела. Как вы устроились, как у Миши в новой школе, все ли хорошо? Я хочу участвовать в его жизни, не чужой человек. И может быть вам нужна какая-то помощь?

Тогда я почувствовала это - сын вышел из-за моей спины и встал передо мной. Все еще ниже ростом, чем Глеб, пришлось задрать голову, но за ним, как за стеной, я почувствовала себя спокойнее и уверенней.

- Слышь ты, помогатор! Трынц-трынц! - Он щелкает пальцами перед глазами Громова. - Я Фиксиков закончил смотреть десять лет назад, и Папус Масю ни на каких других гаек не разменивал, свой болтик ни в какие шайбы не запихивал, - саркастично выпалил Миша. - Три недели не звонил, а теперь вдруг про “сына” вспомнил.

Я смотрела на него и понимала - именно Глеб стал тем спусковым крючком, который превращал моего спокойного мальчика в этого злого, въедливого, колючего подростка.

- Мишенька, ну зачем ты-то так... - мама кажется от тона внука едва не впадает в истерику.

Меня передернуло. Она до сих пор на его стороне, как будто он ничего не сделал. Не растоптал наш брак, не унизил меня перед десятками людей, не завел любовницу, чтобы та родила ему сына. *Своего. Собственного.*

- Проваливай. Здесь тебе не рады, - Миша не повышает голос, просто рычит.

В этот момент Глеб будто опомнился и схватил сына за шиворот кофты.

- Ты как со мной разговариваешь, щенок? Я тебя растил, кормил, одевал. Даже эта тряпка куплена на...

- Хватит! - я встреваю в этот никчемный балаган.

Врезаюсь ногтями в запястье Громова. Он шипит, но убивает руку.

- Миша, марш в комнату!

- Но он...

- Живо, - требую, бескомпромиссно и яростно смотря ему в глаза.

Давай, мой хороший, сейчас тебе это не нужно. Ты умеешь сражаться, и ты замечательно это делаешь, но оставь свой пыл для тренировок, для хоккея. Пускай от этого гнева плавиться лед, а не башка одного недалекого имбицила.

И Миша молча уходит. Зло хлопает дверью, так что та возможно почти слетела с петель.

- Засранец!

- Ты тоже - пошел вон, - говорю уже Глебу.

Он качает головой.

- Нам поговорить нужно.

- Не сейчас, - рявкаю так, как сама от себя не ожидала.

Выталкиваю не сопротивляющегося мужика в прихожую, жду пока обувается, снимает с вешалки куртку и выходит. Закрываю за ним дверь на оба замка и “собачку”, словно этот черт может вот-вот вернуться и вырвать все это с корнем. А потом уже устало прислоняюсь к ней спиной.

Эта схватка выиграна, но она отняла слишком много сил.

Мама несмело выглядывает из кухни.

- И зачем ты егопустила! - не спрашиваю, а обвиняю.

- А ты зачем выгнала? Он же с миром пришел, дурочка.

Переживает мужик...

- Ага, трах*я Катюху переживает. Развод оформляет и переживает. Испереживался весь!

Мама опускает глаза в пол и скрывается за аркой. Крыть

ей нечем.

Слышу как открывается вода и она моет посуду, а я пытаюсь прийти в себя еще около получаса. Когда стрелка на часах перевалила за начало одиннадцатого я решилась поговорить с Мишей, вот только заглянув в комнату обнаружила, что он уже уснул.

Мой защитник. Мой уже такой взрослый и смелый мальчик.

Я не стала его будить, только погасила экран монитора, где в поисковике было набрано имя “Ильясов Ренат”. Улыбнулась мысли о том, что если он изучает историю и опыт тренера, значит рассматривает возможность играть за “Атлант”.

Выйдя из комнаты я и сама хотела уточнить несколько моментов относительно этого “массовика-затейника”, вот только обнаружила сообщение: *“Ты скоро?”*

Писал Глеб.

Выглянув в окно я увидела, что во дворе стоит наша... то есть его машина, а он как неприкаянный ходит вокруг да около. И не уедет, пока не скажет то, что собрался сказать.

Вздыхаю и быстро одеваюсь, чтобы не нарваться на наставления мамы и инструкции из ряда “Будь ласковой, он же сам пришел”.

На улице заметно похолодало, стылый воздух обжег легкие, но я подхожу к нему.

- Я на минуту, Глеб. Скажи уже, зачем ты на самом деле

пришел?

- Давай не на улице. Может кофе?

- Я потом не усну, - огрызаюсь и ежусь от порыва ветра.

Теперь ночи все холодными будут, осень как никак. Она полноценно захватила город - и деревья оголились, и под ногами уже не желто-красный ковер, а все больше серое месиво.

- Тогда в машину прыгай, я печку включу.

Киваю, потому что заболеть не хочу.

Внутри его дорогого премиального внедорожника пахнет чем-то знакомым - кожа, парфюм с нотками абсента и древесины. А еще *кем-то* чужим - сладким и немного восточным. Морщусь. Правильно, теперь с ним рядом катается другая, даже сиденье отрегулировано под *нее*. Чуть дальше, чем я привыкла - ровно на разницу в росте.

- Зачем ты приехал?

Не знаю почему, но ответ на этот вопрос - честный ответ - мог бы многое решить сегодня.

Суд по разводу назначен через неделю, и он больше формальность. Делить с Громовым мне нечего - квартира его, машина его, а вот Мишка - мой. С чем пришла в эти отношения, с тем и ухожу.

Хотя, нет. Вру, конечно.

Глеб дал нам с сыном щедрые отступные, которые я могу использовать как первоначальный взнос за квартиру. Он

даже предложил помочь с выбором, чтобы мне было проще. Видимо привык, что без него я и шагу сделать не могу.

Но я отказалась.

Кроме этого попросил не “суетиться с алиментами”. Юрист подготовил двустороннее соглашение, по которому он обязуется выделять сумму на ребенка. Это больше, чем я могла бы получить от его официальной зарплаты и это было... унижительно.

В какой-то момент мне даже пришла в голову шальная мысль отказаться от такой помощи, но сидеть на шее у матери и выпрашивать деньги на еду и одежду для Миши - еще хуже.

- Я беспокоился о тебе и сыне, - наконец-то отвечает и нервно постукивает пальцами по рулю. Дорогая кожа глухо отзывается от этих прикосновений.

- Не надо. Мы... живем дальше.

- Да вижу я как живете. Мама тебя наверно изводит. А Миша? Он совсем потерял форму, исхудал! Он вообще ест? Занимается? Ему не нужно было уходить из школы и из команды. Все это твоя блажь? Знаешь, он должен вернуться и делать то, что положено.

- Что? Сидеть на скамейке запасных? - усмехаюсь, ядовито выплевывая слова.

- Добиваться шанса быть в основе! - настаивает Глеб.

- Или твоего одобрения? Кажется он перерос все те обещания, которые ты ему когда-то давал, - бросаю зло, не смот-

ря на мужа, но знаю, что это заденет его сильнее чем любые оскорбления, потому что... *он обещал.*

Тринадцать лет назад, через несколько дней после нового года я схватился своего малыша на руки и с грохотом хлопнув дверью выбежала на улицу.

Я помню тот вечер до мельчайших деталей.

Снег падает, небольшой морозец, никакого ветра, я унимаю свои слезы и хотя обида душит - стараюсь не раскисать. Это все мама виновата. Опять она со своими нравоучениями, что я еще молодая, что одна с ребенком, а нужно личную жизнь устраивать.

- Найди себе мужика, Тань! Три года прошло! Ты себя схоронить решила? Так и легла бы рядом со Степкой, прям там в землю!

Моего мужа не стало после автомобильной аварии. Все оказалось до банального просто и вместе с тем страшно. Он ехал с ночной смены - ливень стеной, водитель встречной машины не справилась с управлением. Только там был огромный джип на жестком каркасе, а у нас старенький Логан.

Когда узнала - думала умру в тот же миг, но под почти замершим моим сердцем уже билось Мишино. Ради него все выдержала. Опознание, похороны, поминки, девять дней, сорок дней, роды, пневмонию и три месяца в реанимации. Первый день рождение, нотации мамы и сочувственные, липкие, "понимающие" взгляды всех знакомых. Замужних, оди-

ноких, учащихся подруг, которые изредка вспоминали обо мне сообщениями в социальных сетях: “*Как дела?*”.

Потом все устаканилось, кроме маминого желания найти мне пару. Сегодня просто был очередной взрыв и я свалила из дома.

Ноги сами привели меня в парк на каток. Здесь неспешно катались дети с родителями, парочки, одиночки. В кармане денег оказалось немного, поэтому я взяла коньки в прокат на полчаса только для Миши. Мы уже не первый раз оказывались здесь, и несмотря на падения сын обожал лед.

- Маааа! Смаатли! - он смешно растопыривал руки и пальчики, делал маленькие шаги и, конечно шмякался на лед. - Он такой твелдый! И прозрачный. Как стеклыфко! - Мишаня подпрыгивал от восторга и надувал порозовевшие от мороза щеки.

- Иди сюда, чемпион, - смеялась я, протягивая ему руки, помогая продвинуться чуть больше чем на десять сантиметров без полета пятой точкой вниз. - Стой на ногах, пожалуйста. Не разводи их в стороны.

- Да кто ж так учит кататься-то?! - до меня донесся грубый, возмущенный, нравоучительный голос со скамейки за бортиком. Там сидел мужчина в темной куртке и штанах, засунув руки в карманы. На ногах коньки, лицо хмурое. Сидел один, словно отшельник или маньяк. То ли жертву ищет, то ли уединения - странный в общем тип.

Делаю с Мишей еще один круг, игнорируя его замечание,

но едва мы вновь пересекаем траекторию в зоне видимости и досягаемости незнакомца, как он встает на ноги, выходит на каток и, схватив сына за шкурку, приподнимает надо льдом и катится прочь от меня. По окружности катка.

- Эй, вы куда?! Вернитесь! - ору как ненормальная.

Возвращается через секунд двадцать, пока я ошарашенно смотрю на это “шоу”, хлопая глазами и ртом как выброшенная на берег рыбка.

Ребенок мой, довольный до безумия, глядит на этого самаритянина как на божество, а я подтаскиваю его за руку к себе, чтобы создать видимость контроля ситуации

- Ну что, чемпион, понравилось? - незнакомец меня игнорирует, медленно присаживается и опирается одним коленом на лед.

Лицо искажается - кажется ему больно.

- Да!!! - с восторгом подпрыгивает Мишаня. Они дают друг другу “пять”.

Прокашливаюсь.

- Я могла бы заявить на вас в полицию за похищение, - дерзко смотрю в красивые темные глаза. Его бровь приподнимается. - За кратковременное похищение, - поправляюсь я тут же.

- Что ж, справедливо. Но тогда вам нужно знать мое имя, так будет проще.

Киваю.

- Тогда представьтесь уже.

Какое глупое знакомство. И какая глупая я.

- Глеб Громов, - тянет руку, снимая варежку. И я тяну в ответ, а он неожиданно разворачивает ладонью вверх и целует. Холодной кожей чувствую его горячие губы и трехдневную щетину. - Готов понести наказание за свою выходку - научить этого чемпиона кататься как профи, например.

- Правда? - сын воодушевленно смотрит снизу вверх.

- Правда, - кивает Глеб. Уже совсем не хмурый и не страшный. - Если твоя мама разрешит и представиться наконец-то, а то у меня заканчиваются идеи как вывести ее имя.

Я смеюсь. Так это был подкат? Буквально.

- Таня. Меня зовут Таня, а это - Миша, и лучше вам не давать обещаний, которые не под силу сдержать.

- Я всегда держу свое слово, Тань, - подмигнул он.

С тех пор прошло тринадцать лет. Глеб много чего наобещал нам и даже кое-что выполнил. Стал Мише отцом, а мне - мужем. Научил сына кататься как профи и взял в свою команду. Делал меня самой счастливой женщиной на свете, но... до тех пор пока считал это необходимым.

Просто идеальный механизм дал сбой, а я не могла ему дать то, что когда-то обещала. Не родила сына.

Скинув морок воспоминаний смотрю на Громова. Он изменился с того вечера тринадцатилетней давности. И я тоже.

- Глеб, ты больше не приходи, - прошу его.

- Я имею право. И сказал тогда глупость про Мишу. Прости меня. Он поймет и остынет, а потом я с ним как с мужем поговорю.

- Я так не думаю, - отвечаю честно. - Дело не только в твоих словах, ты же знаешь.

Он ворчит себе что-то под нос и качает головой.

- Уезжай, тебя невеста ждет, - открываю дверь, впуская в салон холодный воздух. - И, прощай.

Не дожидаясь ответа убегаю в подъезд, стараясь дышать, хотя сердце стонет и так гулко колотится в груди, что кажется барабанные перепонки лопнут. Больно. Очень больно.

Но теперь я точно знаю, что могу двигаться дальше.

Глава 6

Глеб.

Вот и все. Теперь он свободен.

Официально, бесповоротно и... ненадолго.

Громов поморщился, глядя на розоватый бланк с серой рамкой в своих руках. Все заняло не так много времени и решилось полюбовно. Таня, как и всегда, сдержала свое слово - истерики не устраивала, Мишу не приводила, за скандалами не гналась. Вот только противное чувство, что поступает он гадко - не отпускало.

Рановато начала его мучать совесть.

Да и, собственно, зачем?

Громов всегда был человеком-действия. Не зря в далекие времена, когда он был самым перспективным нападающим и звездой московского клуба, его прозвали "Молния".

- Почему не "Гром"? - спросил однажды журналист, после шикарной победы.

- Потому что скорость света быстрее скорости звука, как и я сам, - усмехнулся Глеб, после очередной яркой победы, с двумя заброшенными шайбами и одной результативной передачей за плечами.

Теперь другие достижения. Из одного брака в другой с разницей в месяц.

*Молниеносно, бл*ть!*

Он убрал бумагу в ящик стола и вновь погрузился в план на завтрашнюю игру.

“Викинги” простая, но не самая удобная команда, а “Звезде” победа нужна как воздух. На прошлой неделе они очень обидно слили по буллитам каким-то деревенским ребятам с палками вместо клюшек. И в этом он отчасти винил себя. Недостаточно гонял парней, не уделил внимание тактике, решил, что перескочит эту кочку без особых усилий, вторым составом. Играли в основном третье и четвертое звено.

Вот бы где Мишка блеснул!

Он бы ему дал шанс!

Имя сына горечью заскрежетало на зубах. Малой дурак. Это ж надо было обидеться и уйти из команды! Сдаться раньше, чем должен был. Он был сыром, не готовым к игре, он мог сам себе испортить старт, а Глебу хотелось, чтобы Мишка с первой своей игры показал, что достоин не только стоять на льду в первом звене, но и стать лидером.

Капитаном!

Просто он не был готов, и кому это не знать как его отцу.

- Глебушка, - Катя поскребла ногтями по двери и отвлекла от тяжелых мыслей.

Она всегда так делала, даже до того как между ними начался роман. Это Громова и зацепило - красивая, яркая, всегда при настроении, Леденцова порхала по спортивному центру на своих шпильках, словно бегала в кроссовках. Помогала Тане в организационных вопросах, а потом заменила ее.

Везде, даже в постели. Хотя их встречи “постельными” были редко.

Глеб прикипел к ней. А Таня просто... ей было не до него и в последнее время он это отчетливо понимал. Она фанатично пыталась родить ему ребенка. Громов, конечно, хотел сына, но не ценой здоровья женщины, которую любил, которая вытащила его обратно в жизнь, когда он думал, что уже ничто и никто не сможет.

- Глеб, пошли домой, - будущая жена подошла к нему и положила пальчики на плечи, легко массируя их, а затем переместилась на голову, выдворяя из нее мысли о жене бывшей.

- Катюш, занят. План игры составляю, - аккуратно убирая ее руки, погладил спину и попку.

- А я думала мы отметим.

- Что? - недоумевает он.

- Твой... - Громов приподнимает бровь и Катя быстро меняет направление мысли, - то есть нашу будущую свадьбу.

- Потом. После игры, - отвечает ей твердо, чувствуя как нашее затягивается новая петля, - а пока иди домой и приготовь ужин. Только давай что-то посущественнее соевых котлет и чечевицы. От них еще больше жрать хочется.

- Но...

- Кать, никаких “но”. Победим и будем праздновать - и победу и все остальное.

Она отступила и сложила руки на груди. Глеб знал, что

ворчать не будет, но в голове сейчас крутит разное. Бабское.

А с Таней все было иначе - она просто говорила прямо, что думает и про него и про его решения. Странно, что он постоянно ее вспоминает и никак не может отпустить.

Все из-за Миши, из-за его глупых выходов. Защитник хренов!

Порушил ему все планы на сезон, и отсиживается за мамкиной юбкой.

Ну ничего, завтра на игре они отчехвостят “Викингов”, а через месяц доберутся и до “Атланта”, у руля которого встал Ренат Ильясов.

А с этим клоуном у Глеба были очень личные счеты, и победа над кучкой неудачников с ним во главе станет в два раза слаще.

- Смена! - Громов орал так, что его голосовые связки вибрировали от злости. - И давайте уже не балетом заниматься, а нормальным хоккеем!

Первая пятерка возвращается на место, Женя Леденцов весь красный. Понуро опускает нос. И правильно!

Сопляк не реализовал стопроцентный голевой момент. Промазал! Как результат “Звездам” закатили две шайбы в ответ, а за две минуты до конца первого периода они остались в меньшинстве. Завтра весь город и все форумы облетит новость о том команда - фаворит турнира сливает вторую стартовую игру подряд.

Его просто засмеют! Застебуй!

Шайба звонко отлетает от борта и судья дает свисток. Первые период окончен, команда медленно и понуро тащится в свою раздевалку. Глеб шагает следом, но вместо гробового виноватого молчания слышит крики и препирательства.

- Я тебе отдавал пас, куда ты смотрел? Искал подружку на трибунах, додик?! - кричит нападающий второй пятерки.

- Меня пасут у борта, еще пара таких приемов и я останусь или без зубов или переломают ребра! - отвечает ему второй. - Леденцов вообще дальше собственного носа не видит. Слышь, Жек, ты так авторитет у нового папки не заработаешь.

Ржание, свист.

Идиоты.

- А ну заткнулись все! - Громов влетает внутрь и пацаны тут же замолкают. - Ну что, весело вам? Просто обожаться, да? А как на счет, чтобы поговорить серьезно. Вы вроде на сборы ездили летом, и отдохнули, и тренировались, а что в итоге? Команда рассыпается, словно дешевый китайский конструктор, собранный пьяным электриком. Забыли что такое пас, взаимовыручка и чувство локтя! Все мои установки мимо ушей.

Глеб не привык краснеть с первых минут и не собирался к этому привыкать.

Те нечастые поражения, которые случались у "Звезд" в прошлом сезоне были тщательно и подробно им разобра-

ны. Ошибки и недочеты проработаны. Звенья сформированы исходя из особенностей соперников и уровня физической подготовки игроков.

Да, сейчас ребята набирали форму.

Но, мать вашу, все набирали форму! И только они смотрелись словно коровы на льду!

- Значит так! Собрались и сконцентрировались на игре! Все, что вас сейчас должно волновать - шайка, клюшка, пас, гол! Причем не в наши ворота! - отчеканил он и вылетел из раздевалки, предоставив возможность медику пообщаться с парнями на предмет жалоб и необходимой помощи.

Им бы еще в противовес его словам сказать что-то более позитивное. Раньше этим занималась Таня. До игры общалась с ребятами, они всегда приходили собранными и спокойными, а сегодня Глеб не сразу, но заметил, что еще перед льдом все были на взводе.

Микроклимат в команде был не самым лучшим. Победа могла и должна была всех сплотить, но до ее придется выгрызать зубами.

Вот только хватит ли сил?

- Глеб! - ему навстречу неслась абсолютно счастливая и сияющая Катя.

Бл*ть! Только ее не хватало. Не сейчас.

- Не сейчас, - повторил он, пытаясь пройти мимо, чтобы перед вторым периодом успеть в свой кабинет и просмотреть записи, которые оставил там перед игрой.

- Но, милый, я с УЗИ. Мне сделали снимок нашего малыша. Вот! - и она протянула ему маленький черно-серый снимок.

Громов посмотрел на него безучастно, словно на обычную справку.

- Мальчик?

Леденцова несколько раз хлопнула глазами.

- Еще рано, Глеб. Срок слишком маленький и...

- Кать, мне пора. Сейчас игра и я работаю.

Она нахмурилась и заметно погрузтелла. Глеб и сам понимал, что ведет себя как хамло, но сейчас его будущая жена была такой же раздражающей как вечно жужжащий над ухом комар.

- Дома обсудим, ладно? - примирительно кивнул и быстро скрылся в сторону трибуны.

Зачем хотел вернуться в кабинет? Забыл. Да и какая, на херо, разница?

“Звезда” в итоге слила игру. Разгром 1:4.

Игроки понуро плелись в раздевалку. Осадок от происходящего был такой, что не даже на крики и злость сил не осталось. Тяжелый затхлый воздух, вибрирующий от разочарования витал и впитывался в кожу, волосы, одежду. Головы пустые, кулаки чесались у всех.

Громов знал, что сейчас подливать масла в огонь этой бомбы не стоит. Сдетонирует так, что потом придется всех со стен собственноручно сосребать, а это чревато последствия-

ми. Спонсоры за это поражение итак с него стружку снимут, не хватало, чтобы еще дисциплинарно ребят нагрузили.

- Сейчас все в душ, разбор полетов завтра, после тренировки.

- Но после матчей у нас обычно был день отдыха, - возразил Комлев, их второй вратарь.

- Игорь, - мягко заводился Глеб. - Персонально для тебя могу организовать выходные. На завтра, послезавтра и на каждый последующий гребаный день, - угроза исключения из команды читалась в каждом слове. - Еще вопросы есть?

Нестройный гул голосов подал отрицательный ответ.

И он вышел.

Уже припарковавшись у дома достал телефон, чтобы полистать ленту новостей и узнать, что в игре между “Атлантом” и “Тайфуном” первые одержали скромную победу 2:1.

Скромную, но очень важную.

С досады Глеб ударил кулаком по рулю.

- Да чтоб тебя, мать твою, Ильясов!

Его руки сами открыли телефонную книгу, а пальцы замерли над контактом бывшей жены.

Глава 7

Частная практика - никогда о ней не думала всерьез. Даже не рассматривала возможность заняться, потому что все время отдавала клубу и семье. Мужу. Сыну. И еще двадцати подросткам, которые нуждались в разгрузке и возможности выговориться.

Кто-то больше, кто-то меньше.

Частная практика - это совсем другой объем работ, другая ответственность и другие пациенты.

Быть психологом спортивной команды - это означало решать не только индивидуальные задачи, но и выстраивать, направлять их на благо коллектива, стараться недостатки и слабости обратить в силу и уверенность.

И, кажется, в этом я была хороша. Но за такую работу платят не много и моих личных накоплений не хватит даже на полгода ипотечных взносов.

Прошло чуть больше недели с тех пор, как мы с Громовым поставили подписи в нужной книжечке на заседании у мирового судьи. А вчера мне на банковский счет поступила оговоренная сумма денежных отступных.

Мы с Мишей уже несколько дней присматривали квартиру, чтобы съехать и как только мама узнала про это начался долбёж и игра “кто кого”. Она говорила, что нет смысла покупать недвижимость, лучше вложить во что-то дельное и

продолжить жить с ней. Мы с сыном съезжали с темы, отшучивались и продолжали выбирать что-то подходящее нам.

И вот сегодня, после его уроков мы отправились осмотреть несколько вариантов в новом жилом комплексе недалеко от школы. Квартиры по типу евро двушки, с двумя комнатами и среднего размера кухней-гостиной.

- Здесь отличный вид, окна во двор, который, кстати, охраняется и еще есть место под парковку, но за отдельную плату, конечно, - нараспев нахваливал риэлтор квартиру.

- Конечно. Только у меня нет машины - оно без надобности.

Женщина сделала пометку и нетерпеливо смотрела на часы. Мне показалось, что она торопиться или её просто не устраиваем мы с Мишей как клиенты.

- Знаете, решение нужно принимать в минимальные сроки, а то здесь достаточно много желающих, - говорит он.

Сын усмехается. Этот заезженный прием не впечатляет даже его.

- Объявление уже полгода висит на сайте, трижды цену роняли, - отвечает он. - Не слишком сильно загнули с ценой-то... - И уже тише, но так чтобы "самый честный агент" услышала, - укалы добанные.

- Миш, - шиплю на него. Он только подмигивает.

- Кажется я поняла, вы просто тратите мое время. Сумма продажи обозначена на сайте, - уже откровенно хамит риэлтор и двигается в сторону выхода, подспудно подталкивая и

нас.

- Да, но там указано, что стоимость окончательная, - в тон ей отвечаю я, - а вот в договоре столько звездочек и дополнительных опций, что можно пожаловать на вас.

- Да с какой стати?

- За то, что вводите клиентов в заблуждение.

- Да какой вы клиент, дамочка? Знала бы, что имею дело с... - она окидывает меня презрительным взглядом, но такими штучками я уже давно не впечатляюсь, потому что имела дело не только с мажорами и сыновьями прокуроров, главы администрации и местными бизнес-воротилами, но и их матерями.

Мы оказываемся в подъезде и пока она закрывает дверь и пытается подобрать слово противно чмокая языком о небо за нами раздается знакомый насмешливый голос.

- Громы? Вы заселяетесь или съезжаете из этого клоповника?

Мы с Мишей поворачиваемся одновременно, а у риэлтора ключи падают на плитку и громко звякают.

- Ни то и ни другое, - гаркает Миша.

Он моментально и скорее на уровне инстинктов понимает, что от Ильясова может исходить в мою сторону гораздо больше... нет, не угрозы, а интереса, поэтому встает прямо передо мной.

Напрочь забыв про горе-риэлтора во все глаза смотрю на тренера "Атлантов". Не то, чтобы я верила в совпадения...

- И правильно. Это не дом, а недоразумение. Соседи в курсе не только ночной жизни друг друга, о том, что Игорек делает “это” фантастически, а Макс зануда и тупица, но еще и то что кошку Мусю стошнило от тунца, а милая Сонечка, наконец-то покакала! Стены как салфетки, “умный” дом установили, а розетки сажали на сопли. Камеры есть, но ни доступа к ним нет, ни перспективы и...

Я мотаю головой и улыбаюсь. Все перечисленное и смешно и грустно.

- Но как вы здесь оказались?

- Снял квартиру на первое время. Заселился неделю назад и уже ищу другую. А вы, Татьяна - решили что-то по поводу работы? Мои парням срочно нужна консультация.

- Програли? - уточняю.

- Мам! - укоризненно качает головой Миша и делает “рука-лицо” жест.

Да, я немного выпала из новостей о местном хоккее. Пока разводишься, делишь жилье с матерью и сыном, пытаешься выкарабкаться из депрессии и решить жилищный вопрос, параллельно подыскивая работы - не до хоккея. Вообще!

- Наоборот. Две победы подряд, а теперь балду гоняют на тренировках. Поверили в себя, решили, что они реально “Атланты”. Мне срочно нужна ваша помощь.

- Но... - я еще пытаюсь придумать причину, чтобы отказаться, пока не осознаю, что не хочу этого.

Почему нет? Работа знакомая и привычная. Найти общий

язык с подростками и выявить слабые и сильные стороны личностей, чтобы собрать все воедино и направить в нужное русло - мне по силам.

Вот только Мишка... как он на это посмотрит.

Оглядываюсь по сторонам. Мы уже на улице, а сын смылся, оставив меня наедине с Ильясовым. Вот засранец! Точнее они оба, потому что мужчина заразительно улыбается и этой открытой завораживающей мягкости сложно противостоять.

Теплый октябрьский воздух бьет прямо в лицо, взмывая в воздух песок.

- Тьфу ты! - отплеживает Ренат пыль. - Еще один минус - бетон вместо деревьев, а продают как экологичный район. Так что, заглянешь к нам на прогон циркового шоу, Татьяна Григорьевна?

- Я не...

- Репетиция... то есть тренировка, завтра в четыре.

- Но Миша, - пытаюсь воздвигнуть последнее "но".

- Разберемся, - подмигивает и уходит.

Вздыхаю смотря ему вслед.

В сухом остатке дня - квартира не найдена, ребенок смылся, работа и частная практика - под жирнющююющим вопросом с положительной динамикой.

Зато настроение - на высоте.

Утром следующего дня решение было принято.

Квартиру покупать смысла не было - особенно сейчас,

когда будущее и мое и Миши настолько неизвестно. Может быть стоило воочию увидеть ужасы новостройки и пообщаться таким тщеславным представителем профессии риэлторов, чтобы пока отложить мысль о покупке жилья.

Мама вышла на кухню и засуетилась у плиты.

- Тань, а ты на работу-то собираешься выходить? - как бы невзначай спросила она. - Или не нашла ничего подходящего? Говорила я тебе, что нужно получать нормальную врачебную специальность - терапевт, стоматолог, гинеколог, в конце концов. В психиатр - это что вообще такое?

Я закатила глаза, вспоминая как она была недовольна, когда я поступила на тот факультет, который был ей не по душе.

- Не психиатр, а психолог, мам.

- Да какая разница, если ты уже второй месяц сидишь без дела и у меня на... - она остановилась и осеклась.

- Продолжай, - говорю холодно, но она молча ставит на стол рядом с моей свою чашку чая и тарелку с сырниками. - Скажи это вслух, мам. Сiju у тебя на шее? Я и Мишка - мы оба, так? Было проще когда я была замужем, а Глеб щедро помогал тебе ежемесячными отчислениями. - Её руки сжимаются в кулаки. - Или ты думала, что я не в курсе?

Мама подняла голову и строго посмотрела на меня. Раньше такой ее взгляд мог иметь воздействие, но больше - нет.

- Я же не виновата, что у тебя не хватило женской мудрости и хитрости сохранить семью. И я не видела ничего пло-

хого в том, что Глебушка помогал мне деньгами. Пенсии сейчас такие, что едва хватит на пустые щи, а тебе и Мише нужно что-то посущественнее.

- То есть он помогал и эти два месяца пока мы тут жили?

- А ты думаешь, что холодильник сам себя наполнял? - огрызнулась она.

Её упрек больно резанул по самолюбию, но тут мне крыть было нечем.

- Я верну ему деньги из тех, что он перечислит в ближайший месяц на Мишу. Назови мне сумму.

- Да какая разница!? Ему на тебя и сына ничего не жалко, а ты сдуру развод побежала оформлять. Неужели было не перетерпеть, Тань! Не нужна ему та подстилка и...

Я с грохотом поставила чашку на стол.

- Повторяю последний раз, мам. У Кати и Глеба будет ребенок. Громов сам настоял на разводе. Ничего терпеть и пережидать я не собиралась, поэтому я требую, чтобы ты прекратила эти разговоры с этого дня и навсегда.

С этими словами я принялась убирать за собой со стола.

Миша уже давно учился и хорошо, что не застал этот отвратительный разговор с его бабушкой, иначе боюсь он мог и из этого дома решить уйти. Но куда?

Учебный год пролетит быстро. ЕГЭ, выпускной и поступление не за горами. Сейчас было логичнее сосредоточиться на его будущем, а не на комфортном настоящем и деньги, которые можно потратить на съем или покупку квартиры с

неподъемным процентом по ипотеке, перенаправить на репетиторов или... тренировки, если конечно он все-таки решится выйти на лед.

А пока до дворца спорта предстояло дойти мне.

Ильясов сказал, что тренировка назначена на четыре часа, значит мне стоит подойти пораньше, к двум, чтобы оформить документы и успеть познакомиться с личными делами игроков, хотя бы поверхностно.

- И куда ты? - спрашивает мама, когда я собираюсь, надевая свой любимый песочный деловой костюм и черную рубашку.

- Устраиваться на работу, ты же так этого хотела.

И пока не поступило новых вопросов - скрываюсь за дверью

Говорить ей о том, что собираюсь стать штатным психологом команды "Атлант" пока не хочу. Если она поддерживает связь с Громовым или его мамой, то эта информация сейчас может стать новым поводом для скандалов, а мне это не нужно.

До площадки добираюсь быстро, безошибочно нахожу тренерскую, просто потому что строения всех арен примерно одинаковые, и несколько раз стучу в приоткрытую дверь.

- Войдите, - отвечает Ренат.

- Добрый день, - делаю шаг внутрь.

- Ого, а вот и врачеватель пожаловал. Решилась присоединиться к нашему "алле оп"?

Я неуверенно киваю, а Ильясов уже требовательно просит пройти за ним, на ходу показывая - раздевалки для команды “Атлант” и гостевой, медпункт, бухгалтерию, отдел кадров.

- Татьяна, тебе сюда. Твой кабинет через один после моего, мы проходили мимо, но там еще нет таблички. Должность на полставки - пока клуб не может выделить больше денег, но кажется, что именно так тебе удобнее. Работать можешь по графику два через два, но желательно перед играми проводить с ребятами необходимую работу.

Ого, оказывается этот весельчак и балагур весьма серьезно относится к моральному и психологическому состоянию своей команды. Уж точно не менее ответственно, чем к физической подготовке игроков.

- Вопросы?

- Я могу сегодня пообщаться с капитаном?

- Только с Тихоновым?

- Да, пока только с ним.

- После тренировки я попрошу его зайти, - кивает он и, словно переключив тумблер, спрашивает. - А с тренером у тебя пообщаться нет желания? Например за чашкой кофе, или может в кино?

И улыбается так тепло и обаятельно, что отказаться нет практически никакой возможности. Практически, но я все-таки нахожу в себе силы.

- А с тренером я буду общаться исключительно на темы

профессиональные и только в рамках рабочих отношений.

Он закатывает глаза, мол “что ж с вами женщинами все так сложно”, и это так легко читается, что я не могу удержаться от смешка.

Оформление занимает немного времени, а после я навожу порядок в своем кабинете. Помещение небольшое. Из мебели - стол, два стула, шкаф и тумбочка. Еще имеется небольшой диванчик, на который и приземляется взмыленный после тренировки капитан “Атланта” Савелий Тихонов.

Он зашел в кабинет без стука, без спроса и без предупреждения. Закидывает ноги на стул, скрещивает одну на одну и складывает руки на груди. Молчит. И я молчу, продолжая изучать личные карточки игроков.

Сейчас у меня в руках дело другого игрока, но про него я уже все успела прочитать и выучить. Шестнадцать лет, нападающий, капитан, игрок первого звена и стартового состава. Эффективен при игре в короткий пас, не жадный до шайб и реализаций, проявляет яркие лидерские качества. Авторитет для игроков. Вспыльчив, недоверчив к новичкам.

Вероятно в школе это проявляется так же ярко. Савелий учится с Мишей в одном классе, и именно про него мне говорила их классная руководительница.

- И долго мне тут торчать? - хамит и ухмыляется.

Я поднимаю взгляд на него и откладываю папку.

- Савелий Тихонов, ты капитан команды?

- А что написано в вашей папочке? - его голос все еще

полон сарказма и стеба.

Как типично для слишком самоуверенных и агрессивных подростков отвечать вопросом на вопрос.

- Написано, что ты грамотный игрок, имеющий стратегический склад ума, но достаточно дерзкий, чтобы проводить необдуманные единоличные контратаки, которые команда соперников может обернуть в свою пользу. Три из пяти, если быть точнее. И каждая пятая такая атака заканчивается заброшенной шайбой в калитку “Атланта”, - отвечаю на его вопрос.

Его лицо вытягивается в немом удивлении. Он опускает ноги на пол и садится ровнее.

- То есть фамилию Громова вы носите не просто так, да?

- Фамилия не имеет никакого отношения к моим профессиональным навыкам. Ты же, Савелий, обладаешь достаточными навыками для должности капитана. А значит точно понимаешь, какую играешь роль для всей команды.

Он снова расслабляется и смеется.

- А, теперь ясно. Хотите, чтобы мы приняли вашего сына в команду с распростертыми объятиями?

- Хотя это никак не относится к сути нашего разговора - отвечу. Я не уверена, что Миша решит снова играть в хоккей, после того, как ушел из “Звезды”.

- Правда? - удивленно и почти потеряв язвительность в голосе спрашивает Тихонов. - Тогда чем он занимался последние полтора часа на льду?

Глава 8

Миша.

Он думал, что со спортом все. По крайней мере с тем, который требует умения стоять на коньках и забрасывать шайбы.

Миша был уверен, что больше не возьмет в руки клюшку и не сможет почувствовать тот кайф, что разгоняет кровь, когда его старания достигают своей цели и ворота противника взяты.

И что? Ошибся?

До скрежета в зубах ошибся. Признать это оказалось на удивление легко, но в тоже время больно.

Отец... то есть Глеб, столько раз отмахивался и оставлял его на скамейке, даже не включая в состав игроков последние два сезона, что заброшенные на тренировках шайбы он считал за личное достижение. Их было двадцать три.

И вот эта... ту, что он сейчас перебрасывал из одной руки в другую - его трофейная шайба, была первой заброшенной им самим, которую видел целый стадион. Не игровая, но такая важная.

Октябрьский вечер резким порывом забирается под худи, но Миша не чувствует холода - только жгучую пустоту под ребрами. И все внутри него горело от необходимости заполнить ее. Изнуряющими нагрузками, постоянными трениров-

ками, играми. И это не страшно и не стыдно прийти в новую команду, чтобы начать сначала.

Стыдно не попробовать.

Стыдно не оправдать своих собственных ожиданий.

В голове крутились обрывки фраз:

“Ты не готов к игре”, - повторял ему изо дня в день Глеб.

“Он боялся, что ты будешь играть лучше него”, - как будто разгадав “тайну века”, бросил Ильясов.

“Я поддержу любое твое решение”, - убеждала мама.

Шайба горела в Мишиных ладонях, но мысленно он уже доставал спортивный инвентарь и укладывал его в сумку.

На следующий день после школьных занятий он заскочил домой покушать и выдвинулся в сторону спортивной арены, чтобы успеть обсудить с тренером некоторые организационные моменты.

Внутри, в отличие от дня, когда проходила игра, было достаточно спокойно. Бегали дети - тренировка у младшей группы только что закончилась - и вокруг них суетились родители.

- Эй, Тучка, ты отыскал свои коньки и яйца? - за спиной раздался насмешливый голос Тихонова.

- Да, и пришел показать тебе как правильно делать пас, чтобы шайда доходила до адресата, - ответил Громов, чем вызывал недовольство рожи Савелия.

Бил точно в цель, потому что в крайнем матче он сплomboвал и отдал несколько передач крайне плохо, из-за чего бы-

ли упущены стопроцентные голевые моменты.

- Ну-да, ну-да, выкидыш “Звезды” будет нас учить как в хоккее дела делаются, - ржет этот ушлепок.

За спиной Тихонова появилось еще несколько игроков, которые не без интереса наблюдают за этой словесной перепалкой. Комментарии не вставляют, молча оценивают и его и способность капитана подмять под себя потенциального новенького.

А вот хрен вам!

- Это что за петушиные бои? - между Мишей и Савелием вырастает Ильясов, смотря на парней с долей пренебрежения и иронии. - Состязания в ораторском искусстве у нас проходят в другом месте на сколько я помню, а здесь тренируются не рафинированные стихоплеты, а настоящие мужики. Марш в раздевалку. Лёд через пять минут. Кто не успеет, тот отжимается тридцать раз.

И судя по тому как парни ломанулись прочь - Ильясов не шутил.

Миша пошел следом.

В раздевалке было шумно, тесно, но весело.

Переодеваясь команда обменивалась новостями, шутками, заданиями по учебе. Громова больше никто не задевал. Ему показали свободную ячейку и словно забыли про то, что он вообще тут находился.

Конечно в пять минут никто не уложился, поэтому выйдя на лед, первое, что услышал Миша было:

- Ну что, деточки, отжимаемся все вместе или отдуваются только те, из-за кого схватили штрафака?

И снова Громов удивился. Без единого слова все парни приняли упор лежа, держа в обеих руках клюшку и начали отжиматься.

Он точно знал, что в “Звезде” было принято публично наказывать того, кто провинился и подвел команду. Глеб это объяснял личной ответственностью перед коллективом. А здесь... воплощение доктрины Дюма - все за одного?

После первого упражнения последовала стандартная раскатка, розыгрыш нескольких комбинаций и игра в звенья. Его поставили в пятерку с Тихоновым, затем против него и так снова и снова. К концу полутора часов Миша уже почти не чувствовал рук от усталости, когда Ильясов выкатил в центр коробки и громко крикнул.

- Все к бортам, кроме Громова. - Он дождался пока команда выполнит указание, оставив их один на один на льду.
- Ну что, Миша, теперь взглянем на то, чего ты на самом деле стоишь. У тебя три попытки и пустая калитка. Ты нападаешь, я - защищаюсь. Задача очень простая - забрось шайбу.

Три тренировки по будням после школы и еще одна утром в выходной - таким был график.

Миша умирал, но кайфовал от почти невыносимых нагрузок еще больше. Ему было не тяжело - просто адски тяжело, но Громов умел принимать такие вызовы и гонял свой

организм так, что каждая мышца тела горела. Он все еще не осознавал, как мог даже ненадолго подумать, чтобы лишиться себя этого кайфа.

Когда лед не просто хрустит под ногами, а издает только им - хоккеистам, понятную и нужную какофонию звуков. Когда шайба летит ровно так как ты задумал, с тем ускорением и по той траектории, что ты в нее вложил.

День за днем на тренировках Ильясов переставлял его из связки в связку. Из звена в звено. По двое, по трое, тренируя буллиты и отрабатывая обыгрыши он закалялся.

Миша наконец-то почувствовал себя цельным. Полезным.

В тот вечер, когда он явился домой после первой тренировки и обо всем рассказал маме - с ужасом ожидал, что она станет его отговаривать. Но она оказалась на его стороне, более того, сказала, что тоже будет работать на “Атлант”, как штатный психолог, на полставки.

Просто просила пока не говорить об этом бабушке.

- Она передаст твоему отцу, - коротко пояснила мама, - не хочу чтобы он влез в то, что мы начали строить с нуля. У него сейчас другие... приоритеты.

- Глеб мне не отец, - запротестовал он.

- Юридически, то есть по закону, отец. Он тебя официально усыновил, понимаешь? И не нужно злиться, и нельзя так просто отказаться от всех этих лет, Миша. Я понимаю, что его слова звучали ужасно и не оправдываю ни его поступок, ни его... - он видел, как мама пытается подобрать слово, -

его предательство. Но с нашим разводом его юридический статус в отношении тебя не меняется, понимаешь?

- Понимаю, хотя все это дерьмо собачье.

- Не выражайся, - пожурила мама, - и может все-таки подстрижем твои кудри?

Он отрицательно покачал головой и не стал спорить про Громова, но у него было вполне четкое мнение на этот счет.

Мама не хотела обострять, он же не собирался поддерживать никаких контактов с тренером “Звезды”. Даже когда тот писал и спрашивал как дела, когда звонил - Миша все игнорировал.

Три недели и две игры остались позади.

Каждая тренировка - не только проверка физической подготовки, но еще и построение новых задач и отработка схем. Команда была с ним по-прежнему неприветлива, но он и не собирался с ними строить теплые отношения. Не заискивал, не набивался в коллектив, не искал друзей.

Общение происходило на льду, в коробке. В основном молчаливое, но достаточно понятное.

Даже когда его ставили в связку с Тихоновым - все получалось. Не с первого раза, не с первой передачи, но между ними появилось чувство локтя и даже некая взаимосвязь. Кое-кому это точно было не по душе - Яковлеву Артему, который всегда сопровождал капитана в стартовой пятерке.

Не важно. На тренировках он делал все, что от него требовалось и даже больше.

Но игры оставались для Миши по-прежнему недоступной мечтой. Его словно дразнили, накатывали, натаскивали на то, чтобы он мог блеснуть и показать себя, а потом щелкали по носу. Оставляли на трибуне, за скамейкой команды.

Вот где была настоящая херня!

Следующая игра со “Звездами” на их территории. Формально - выездная, фактически - в другом конце города.

За два дня до нее Миша решил, что больше не хочет и не будет сидеть на трибунах. Он не может доставить такого удовольствия Глебу. Он должен видеть его лицо, когда выйдет на лед против него и размажет Леденцова о борт.

После изнурительной тренировки он уверенно двинулся в сторону кабинета Ильясова и так же уверенно постучался в дверь.

- Могу войти?

- Конечно, Миша-Тучка, входи. Что хотел? - Ренат слышал как его называют члены команды и подсмеивался над этим тупым прозвищем.

- Вы поставите меня в основной состав против “Звезд”? - никаких предисловий. Зачем размазывать и выпрашивать то, что, как Громов считал, он заслужил своей работой, упорством и успехами.

Вот теперь Ренат обратил на него все свое внимание. Синие глаза изучали парня так, словно смотрят на него впервые, но это просто обман и иллюзия. Ильясов успел изучить его “от и до”. Они оба прекрасно это понимали.

- А ты готов?

- Я пахал как проклятый и у меня лучший прогресс сначала сезона, - Миша запнулся, - то есть сначала моих тренировок, по отношению к любому игроку в команде.

Ренат кивнул головой, но это вовсе не означало согласие.

- Так ты готов к игре?

Дерьмо.

Он ненавидел эти психологические игры, к которым нельзя быть готовым. К викторине из вопросов, на которые нет верного ответа. Любое твое слово можно рассмотреть, разложить, препарировать как угодно. А нужный ответ всегда... недостижим.

Мама так и не научила его отвечать "правильно", чтобы удовлетворить отца, который тоже любил вот это все.

- Физически я в отличной форме. Психологически мне не будет тяжело. На том стадионе даже лед знает кто я такой, - фыркнул Миша, задрал нос.

Ильясов хмыкнул.

- А ты сам-то это знаешь, пацан? Кто ты? Для чего играешь? Ради чего выходишь на лед?

Миша сжал кулаки, понимая, что разговор пошел не по его плану. Не то, чтобы он у него был. Просто Громов знал, что он вправе попасть на эту игру, и Ренат не дурак, чтобы отобрать у него *это*.

- Так что?

- Информация будет завтра на стенде. Иди, отдыхай.

На следующий день его фамилия была в списке заявленных игроков.

Двадцать вторая из двадцати двух.

Визуал. Ренат

Всем привет.

Многие просили и ждали. Мы не могли проигнорировать вас.

Ренат Ильясов - тренер клуба "Атлант".

Сумасбродный балагур, вечельчак и воспитатель цирковой труппы, с которой намерен дойти до финала областного хоккейного чемпионата.

Умеет и пряником и кнутом. А главное мотивирует на результат.

Глава 9

Таня.

Я знала, что рано или поздно мы с Глебом снова встретимся, но никак не предполагала, что это случится на игре.

Хоккей. Снова хоккей!

Я усмехнулась собственной глупости - конечно, хоккей! Что еще ожидать, когда твой бывший муж настолько увлеченно и горячо рассказывал про магию, которая творилась на льду, показывал сам и полностью поглотил этим увлечением сына.

Мне следовало радоваться тому, что Миша не забросил спорт и продолжил развиваться в другой команде. Не все шло гладко, не все получалось, но судя по тому каким взмыленным и уставшим сын приходил домой (а если сказать точнее - приползал), Мишу это вполне устраивало.

Ильясов не выделял его среди других ребят, не относился как-то особенно из-за фамилии и причастности к Громову, или того, что он раньше играл за “Звезд”. Ренат удивительно легко мог отделить что-то важное и полезное из огромного потока информации.

Он вообще бы... не таким.

Не таким как те хоккеисты, которых я знала лично и о которых слышала от Глеба.

Не таким мужчиной, с которыми я привыкла общаться.

Не таким коллегой...

Он открыто, но не очевидно настойчиво ухаживал за мной.

Всеми силами пытался вытащить меня то на чашку кофе, то прогуляться, то съездить на оптовую базу за спортивными инвентарем или методическими материалами. За свидания это принять было сложно, но подтекст его действий был очевиден.

Ильясов смотрел на меня как на женщину - плотоядно. От таких взглядов по телу разливалось тепло, а кожа покрывалась мурашками. Было приятно чувствовать себя интересной и привлекательной.

А когда он случайно (нет) прикасался пальцами то к моей руке (помогал вылезти из машины, ведь он джентльмен), то к шее (желтый лист приземлился на шарф и нужно было срочно его убрать), то к губам (во всем виноваты волосы, прилипшие к блеску) - я краснела и металась между двумя полюсами - "еще немного" и "пожалуйста, остановись!".

Все это может закончиться очень плохо.

Собрав волю в кулак и откинув не самые разумные мысли в сторону, я вновь принялась за штудирование методичек - искала возможность настроить команду перед игрой.

"Звезда" и "Атлант" раньше никогда не были принципиальными соперниками, по той простой причине, что вторые не стояли на одном уровне с командой Громова - всегда в нижней части таблицы, всегда в аутсайдерах.

Сейчас все сильно изменилось и разница в очках совершенно незначительна. К тому же “Звезда” ниже, но перед этой встречей они - принимающая сторона, а значит будут рвать жилы, чтобы в родных стенах не опростофилиться.

Сами парни в команде Ильясова от игры к игре становились больше похожи на ту самую команду, которую я привыкла наблюдать на льду раньше. Сплоченный, крепкий, целенаправленный кулак, готовый разбить соперника в пух и прах. С парнями у меня сложились доверительные отношения, хотя как и большинство подростков они не ценили возможную пользу и перспективы от общения со специалистом моей направленности.

Я же свои заметки передавала Ильясову, который изучал их с интересом и применял полученные знания весьма успешно.

“Привет. Напоминаю, что выезд цирковой труппы назначен на завтра на десять утра. Подтягивайся к автобусу с Мишей. Халявный кофе и лучшие места на стадионе гарантирую”, - он как будто мысли читал и узнал, что я о нем думаю.

“Я дорогу знаю, доберусь”, - мне действительно было нечего делать на арене так рано.

Хотя возможно я просто не хотела видеть Глеба и Катю вместе слишком рано. Такая встреча могла испортить настроение на весь день вперед, а игра только вечером.

Мама нет-нет да приговаривала о том, что у этих двоих

скоро роспись. Буквально на днях. Скорее всего она продолжает непринужденное общение с Ириной Сергеевной.

“Эй, я своей боевой подруге не позволю сунуться во вражеский шатер без прикрытия. Это - война, и потери мне не нужны!”.

Едва я успела дочитать, как тут же последовал звонок.

- Слушаю, - беру трубку, улыбаясь.

Представляю как светло-синие глаза Ильясова становятся на несколько оттенков темнее, словно предгрозовое небо.

Кто-то опрометчиво обманывается его фривольным поведением и частными шуточками, но все в команде знают, что Ренат не меняет своих решений, что его слово - закон, что его метод не кнут, а скорее кувалда. Ударит один раз, зато так, что еще надолго запомнишь.

- Завтра в десять, - повторяет ранее написанные слова вслух и его тон не терпит никаких возражений. А я и не собираюсь возражать. Больше.

- Я поняла, я буду.

- О, хорошо. А то я готовился к битве, а ты уже согласилась. Даже не поломалась для приличия, - усмехнулся он, и в голосе появилась легкость и патока.

- А может я не очень приличная? - выдала и моментально поднесла ладонь ко рту.

Что это, Громова? Ты флиртуешь? Прямо сейчас, накануне такой важной игры ты решила начать флиртовать с тренером? Очень умно.

- Точно. Ты опасная женщина, которая просто мастерски шифруешься под высококлассного спортивного психолога. - Ренат, после небольшой заминки весело хохотнул, а потом добавил понизив тон и совершенно серьезно. - Завтра когда ты лоб в лоб столкнешься со своим прошлым, тебе может резко захотеться спрятаться за чью-то спину. Так вот... я как раз подходящего для этого роста.

И в этих словах не было даже намека на шутку.

Утро перед игрой выдалось суматошным.

Миша, конечно, как и полагалось ответственному спортсмену, собрал все с вечера, вот только забыл поставить будильник.

- Черт, мама, ты почему меня раньше не разбудила?

Он носился по квартире, из душа на кухню и обратно так, словно действительно опаздывал.

- Потому что сейчас половина девятого? - я развела руками, переворачивая блин на сковороде.

В это благословенное утро было только две хорошие новости. Во-первых, погода за окном намекала на теплый день (иронично, что мы полностью проведем его на ледовой закрытой арене), а во-вторых, мама внезапно очень рано уехала по своим делам и никто не мешал нам собираться в той суете, которую могли создать только мы сами.

- Я просто хотел встать в восемь.

- Зачем?

- Подготовиться, - говорит тихо.

Но я знаю сына слишком хорошо, чтобы поверить в эту нелепую ложь. Как и я - он отвратительно врет. Не знаю хорошо это или плохо, но для меня все его эмоции, страхи, сомнения написаны на лице. Для меня он - открытая книга.

- Тебя что-то беспокоит.

- Что может беспокоить меня перед игрой? - саркастично.

- Я попал в заявку - это уже достижение. А дальше я итак все знаю.

Он вздыхает.

И снова. Я знаю о чем думает, знаю, что его эти мысли беспокоят точно как меня встреча с Громовым и его новой пассией.

Он решил, что на этом все остановится, потому что заявка не равно выход на лед. Именно так и поступал с ним Глеб. Раз за разом.

- Ты боишься, что не выйдешь на лед.

- Я не боюсь, просто... - голос обрывается. - Ты можешь поговорить с Ильясовым?

На секунду половник с тестом замирает в руках, несколько капель проливаются мимо на плиту.

- Чееерт, - бросаю его в кастрюльку. Этот блин безнадежно испорчен. - Миш, ты ведь знаешь, что я не стану.

- Почему? - злобно усмехается. - Ты ведь и у Глеба никогда не просила. Ладно, он типа муж, а мне типа батя. Но сейчас-то что? Ильясов на тебя слюни пускает, это всем извест-

но, так может ты используешь эту возможность для... того, чтобы помочь сыну.

- Я тебе сейчас съезжу по роже вот этой поварешкой, что у меня в руке, сынок, - разворачиваюсь, держа в руках предмет кухонной утвари. - Вправлю твои мозги на место, чтобы на место встали!

Меня трясет от злости и обиды, которая множит бесконечную тревогу и усталость.

- Миша, ты меня сейчас очень сильно обидел

- А что я такого сказал? - нападает в ответ и поднимается во весь свой рост. - Ладно, не хочешь просить за меня, тогда расскажи как надавить на Леденцова, на случай если я все-таки на лед попаду в игру.

- Нет, - отвечаю я твердо, но с некоторой долей жалости.

- Но почему? - Миша смотрит на меня с таким выражением, будто я отказываю ему в самом важном в его жизни.

- Да потому что в этом не будет ни победы, ни ценности достижения этой самой победы. Ты предлагаешь мне воспользоваться личной информацией и вывести игрока из строя, чтобы сломить настрой всей команды, но *такая* победа будет иметь для тебя значение?

Миша тяжело дышит, словно разъяренный бык на старте перед корридой.

Я вижу, как он колеблется на грани агрессии и обиды. А потом что-то внутри него уже ломается, как будто он начинает понимать, что так нельзя. Он всегда это знал, просто

сейчас, когда ему кажется, что это самый важный шанс, самая важная игра - выбрать путь наименьшего сопротивления проще и надежнее. Миша сжимает кулаки, бьет ладонью по затылку и вылетает из кухни.

Вот дурак. Переполненный максимализмом и гормонами, но дурак.

Надеюсь, что свою злость он направит в нужное русло.

Мне же предстояло справиться с собственными демонами и они тоже не хотели прятаться по углам стадиона “Звезды”, просто потому что мне так было бы удобнее.

Автобус довез нас до места за считанные полчаса. К одиннадцати вся команда уже выгрузилась и осваивала территорию соперника.

Я же большую часть оставшегося до игры времени пребывала в прострации.

Дежавю - не иначе.

Потому что заторможенность организма и его нелогичное сопротивление действительности иначе объяснить не получалось.

Ни здание этой спортивной арены, ни стены, ни пол, ни лед, ни даже та злополучная подсобка не виноваты, но находится здесь непривычно тяжело. Даже переступить порог главного входа казалось до странного трудным.

Словно в день увольнения отсюда вышла совсем другая Таня. Тогда еще жена Громова, но теперь нет. И той меня

тоже больше нет.

Пока “Атлант” занимал гостевую раздевалку, уточнял время тренировки перед игрой, тренировался и занимался всем, что нужно, я юркнула в знакомую нишу между тренерской и той самой подсобкой. Она была скрыта от глаз, идеально подходила для того, чтобы долго и безнаказанно оставаться незамеченной, совершая редкие вылазки на обед и за кофе.

Проблема была в том, что с этого места открывался отличный вид на длинный коридор, по которому сейчас шествовала Катя Леденцова. Стройная как и всегда, на таких же высоченных шпильках, как и всегда, в красивом вязанном платье, цвета мокрого асфальта, которое подчеркивало каждый изгиб ее точеной фигуры.

Вот ее кто-то окликнул, она обернулась и я увидела в этой фигуре изменения, которые впрочем сделали ее только лучше.

Небольшой, но уже округлившийся животик.

Так беременность любовницы моего бывшего мужа стала реальностью.

Катя даже не скрывала ее! Не носила свободного кроя вещи, не боялась чужих косых взглядов, или что ее *не так* поймут, осудят или “сглазят”. Она улыбалась, о чем-то весело шутила с мамой одного из игроков “Звезды”, поправляла свою и без того *идеальную* укладку, а я...

- Прячешься? - передо мной выросла внушительная фигура Ильясова.

Он не только перекрыл вид на Леденцову, но и своим недовольным, грозным видом вытеснил все мысли о ней. Такого строгого и требовательного взгляда в свою сторону от Рената я еще не видела. Обычно он этот прием отрабатывает на игроках и все они мгновенно встают по струнке и выполняют любую его команду.

Я все задавалась вопросом: ну как ему это удастся?

Теперь понимаю - этот взгляд обещает такие неприятности, что лучше выполнить установку с первого раза и не доводить до крайностей.

Но я же не игрок, и фактически могу не подчиняться его приказам. Могу же?

- Я изучаю записи, - вздернув подбородок отвечаю резче, чем планировала.

Ильясов смотрит с интересом, но как будто уже меня раскусил.

- Угу, - он кивает, делая вид, что верит мне. - Знаешь, Громова, ты совершенно не умеешь врать.

- Не умею, - коротко ответила я.

- Тогда почему ты прячешься? - спросил Ренат. Его голос стал чуть тише, словно у заклинателя змей. Сколько ипостасей у этого мужчины? Почему в них так легко запутаться и потеряться? И почему мне так важно доверять именно ему, не теряя то, что повисло между нами.

- Здесь хорошо, - попыталась я оправдаться. - И я никому не мешаю.

Его губы слегка приподнялись в едва заметной улыбке.

- То есть ты боишься встретиться со Змей Горынычем и Бабой Ягой?

Его шутка заставила меня слегка рассмеяться и расслабиться, но я почувствовала, как внутри начинает расти что-то большее.

- Может быть.

Он шагнул еще ближе. Так близко ко мне, что я физически почувствовала тепло, которое отдавало его тело. Сегодня Ренат надел не спортивный, а строгий дорогой костюм, и выглядел не как гопник-балагур, а сошедший с обложки модного журнала миллионер, смотрящий на этот мир, словно на очередную дорожную, но бесполезную игрушку.

- Не печалься, Татьяна, - Его язык мягко спотыкается о звук «т» - глуховатый свист прорывается сквозь зубы. Он не говорит мое имя, а выдыхает его. Получается нежно, почти шёпотом. И от этого - невероятно лично. - Сегодня у тебя в распоряжении Богатырь. Помнишь, что я говорил тебе про то, что можешь за меня спрятаться?

Я кивнула. Да, помню.

Ильясов наклонился и подал мне руку. От прикосновения по телу пронёсся разряд тока. Воздух между нами загустел, в ушах стоял шум, а взгляд оказался сфокусирован только на нем.

- Не думаю, чтобы среди богатырей был некто по имени Ренат.

- А я особенный, - ответил он. - Слушай, а если я тебя поцелую, ну вдруг. Ты будешь сильно против? - Улыбается. Но только губами, все лицо остается серьезным, будто застыло на грани чего-то важного.

- А ты... попробуй. - вырывается у меня.

Голос срывается в хриплый шепот. Чужой, предательски дрожащий. Господи, неужели это я говорю?

Я чувствую, как его глаза не отрываются от моих, как будто он ищет что-то в их глубине. Ловлю себя на мысли, что я хочу этого момента, и подаюсь ближе, готовая раствориться в его присутствии, в его руках, в его...

- Таня!

Это был не Змей Горыныч и даже не Кощей Бессмертный. Это был злой как черт Глеб Громов.

Глава 10

Глеб.

Нельзя недооценивать противника. Об этом рассказывают на уроках истории в школе, во время схваток на сетевых играх, и конечно на самой первой в жизни тренировке по хоккею. И на каждой последующей.

Глеб Громов слышал эту догму тысячи раз, сам произносил ее не меньше, но так глупо и нелепо просчитаться. И с кем?

Собственный сын и жена подставили! Унизили его.

Вчера, за сутки до игры информация о стартовом составе “Атланта” и участниках официальной делегации, которая заявлялась на получение пропусков и аккредитации для игры, легла на его стол.

Михаил Громов - нападающий.

Татьяна Громова - психолог команды.

Глеб позвонил кому нужно, чтобы выяснить как так получилось, а все оказалось до банального просто. Уже более месяца его бывшая жена премило общается с командой соперника и вероятно сливает всю возможную информацию, которую накопила за годы работы с ним, а Миша... о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.